
Максим Касиянов
Сказки громов

Максим Касьянов

Сказки гномов

«Автор»
2026

Касьянов М. Ю.

Сказки гномов / М. Ю. Касьянов — «Автор», 2026

Глубоко под Красными горами, в девяти чертогах из чёрного базальта, живёт народ, помнящий всё. Но больше всего они помнят, ради чего стоит жить.Старый ветеран Русгир рассказывает своим правнукам — любознательному Рустику, шаловливому Хрустику и сиренеглазой Анушке — истории, которые нельзя забывать. Истории о сотворении гномов валой Махалом, о тринадцатом роде алхимиков, запечатавшем дракона ценой своих жизней, о предательстве братьев-гномов и о великих орлах Манвэ. Это не просто сказки на ночь — это кованая ось души, то, что держит гнома, когда вокруг тьма и искушение. Через тёплый свет домашнего очага, запах заратуанского табака и бабушкиных пирогов раскрывается мир, где честь крепче мифрила, а семья нерушима, как сами горы.

© Касьянов М. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сказка 1. Рождение. 5
Сказка 2. Родовые способности. 8
Сказка 3. Потерянный род. 11
Сказка 4. Великий исход. 16
Сказка 5. Цена подгорного трофея. 19
Сказка 6. Последние из отряда. 21
Сказка 7. День рождения мастера. 23
Сказка 8. Оружие древних. 25
Сказка 9. На крыше мира. 28
Сказка 10. Урок упрямым королям. 30
Сказка 11. Дороги подгорного народа. 32
Сказка 12. Встреча двух народов. 35
Сказка 13. Встреча двух народов (Продолжение). 38
Сказка 14. Полет орла и сила раскаяния. 40
Сказка 15. Подгорный набат и древняя порча. 43
Сказка 16. Черное пятно позора. 46
Сказка 17. Праздник первой летней луны. 50
Сказка 18. Поездка в Дол-Кхазад. 53
Сказка 19. Питомец. 56
Сказка 20. Свадьба. 58
Сказка 21. Подгорные закрома. 61
Сказка 22. Потерянная лампадка. 64
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Максим Касьянов
Сказки гномов

Сказка 1. Рождение.

— Деда, деда, расскажи сказку!

В опочивальню вбежали три гномика в смешных разноцветных колпачках. Это были внуки старого Русгира, всеми уважаемого мастера из восточного клана Железноруких, которых сами подгорные жители именовали Азагхарат. У него была большая по гномьим меркам семья. Его сыновья, казалось, лишь недавно получившие боевые топоры, умудрились уже народить внуков, а те правнуков, трое из которых: одиннадцатилетний Рустик, десятилетний Хрустика и шестилетняя малышка Анушка – весело скакали сейчас вокруг деда.

Братья были одеты в строгие изумрудно-зеленые камзолы, на тон темнее штанишки и прочные легкие башмачки из мягкой воловьей кожи. Не удивляйтесь такой одинаковой одежонке: это была официальная форма подгорной школы Тумун-Аглан (Tumun-Aglân), где зеленый цвет символизировал весеннюю поросль и первые ростки знаний. Анушка же, еще не знавшая строгой школьной дисциплины, была облачена в легкий сарафан нежного, лавандового цвета и мягкие замшевые туфельки.

У Кхазад издревле существовал нерушимый закон: юные гномы, чьи таланты еще не раскрылись перед кланом, могли заявлять о своей индивидуальности лишь одним способом — цветом личного колпачка. Лишь позже, по мере взросления, получения первого инструмента и сдачи ремесленных экзаменов, личность подгорного жителя начинала выделяться шире. С годами они получали право носить именные узорчатые пояса, расшитые золотом перевязи, мантии, кованые доспехи и, наконец, личное, уникальное оружие.

В пещерах нельзя было ходить без головного убора. Лучше бы, конечно, железную каску, но, к счастью, в жилых чертогах Тумун-Аглана было безопасно. Каменные своды палат, келий и переходов строились великими зодчими своего дела и не обрушились бы ни от землетрясений, ни от безжалостного бега времени, — разве что легкая пыль могла иногда осыпаться на голову прохожего.

Итак, головы ребятишек были покрыты простыми суконными колпачками их любимых оттенков. На курчавой голове Русборота (детское имя которого звучало как Рустик) - колпачок был сине-зеленым, как благородный малахит; у Русхрута, или по-детски Хрустика — багряно-красным, как листья дуба в осеннюю пору; а светлые кудряшки красавицы Анарусии, любимой дедушкиной Анушки - прикрывал колпачок глубокого, сочного сиреневого цвета, в точности повторявший редкий оттенок её глаз.

Мальчишки стали прыгать и шутливо бороться на пуфиках, лежащих у стены, а Анушка забралась к деду на колени и принялась заплетать его длинную, подбитую сединой бороду в причудливые косицы. Дедушка с любовью оглядел их и спросил:

— О чем же рассказать вам, непоседы?

— Деда, расскажи, кто мы такие, откуда мы взялись? — попросили мальчишки, успокаиваясь и усаживаясь на мягкие подушки.

— Хм, хом, хум? — задумчиво пробормотал Русгир, перебирая в памяти истории, легенды и древние сказания, подбирая наиболее подходящую. — Кхм, ну что ж, слушайте и не перебивайте.

Давным-давно, на заре древних эпох, когда мир еще не знал ни солнца, ни луны, а над землей горели лишь первозданные звезды Валинора, вала Аулэ — Махал по-нашему — вытесал из камня и праха земли наших прародителей. Но Эру Илуватар, Всеотец и создатель всего

сущего, вдохнул в них жизнь с суровым условием: «Гномы должны пробудиться лишь после того, как в Арде появятся Перворожденные-эльфы». Так что первым мастерам пришлось вновь уснуть в глубокой подгорной тьме. Семь прародителей долго спали в тайных пещерах, разбросанных по всему миру. И вот наступил заветный час, определенный Единым: они пробудились, вышли к свету и увидели мир во всем его великолепии. И мир увидел их и возрадовался, ибо могучи и надежны были творения Аулэ, и крепко держалась в них жизнь, подаренная Всеотцом.

— А мы, дедушка? Кто наш прародитель? — спросила Анушка. Мальчишки лишь хмыкнули — они-то уже проходили это в подгорной школе.

— Глубоко-глубоко в недрах Орокарни, Красных гор, что высятся за Рунным морем и бескрайней Великой равниной, в хрустальной пещере Забвения стоит каменный стол. Поверхность его отполирована до зеркального блеска, а бока испещрены переплетениями рун и узоров. На столе этом, как на ложе, неподвижно, будто изваяние, лежит могучий воин в полном боевом доспехе. Но это не каменная статуя, а погруженный в предвечный сон Великий первый король нашего клана — Русгарат.

Долго ничто не нарушало благодатную тишину, стоявшую в пещере. Дикие звери обходили это место стороной, даже летучие мыши, любительницы укромных уголков, не залетали под эти своды. Но вдруг что-то переменилось в судьбе Арды. Послышался то ли треск, то ли шорох, и вековая пыль тонким облачком взлетела над устами витязя. Долог и протяжен был его первый вздох — завыл и застонал воздух, ураганом втянутый в пещеру Забвения мощными, как кузнечные меха, легкими. Глаза короля распахнулись, и увидел он хрустальный свод с радужными колоннами сталагмитов. Он сел, и многовековая пыль осыпалась с его доспеха. Сняв тяжелый шлем, он огляделся — и не было в его остром, цепком и мудром взоре и намека на слабость, каковая обычно присуща смертным людям после долгого сна.

Хрустальная пещера сверкала и искрилась радужными цветами: невидимый источник света озарял ее, играл на цветных каменьях, покрывающих стены, и разгонял мрак даже в самых дальних закутках. Сросшиеся сталагмиты и сталактиты образовывали причудливые колонны, подпиравшие свод, а пол устилал мелкий белоснежный песок. Сделав еще один, еще более глубокий вздох, Русгарат вновь водрузил на голову шлем и легко, одной лишь левой рукой подхватил тяжеленный боевой молот, покрытый священными рунами Кхазад. Он направился к выходу, и гулким, раскатистым эхом отдавались шаги над сводами.

Вскоре вышагнул он наружу и хмуро огляделся. Король стоял на крутом склоне. За его спиной вправо и влево тянулись неприступные скалы и глубокие расселины Красных гор, а перед ним простирались бескрайние, первозданные леса Дикого Востока. Издалека, из-за самого горизонта наступали их зеленые полки на горы: высокие сосны и могучие кедры подступали к склонам, и даже обсыпанные огненными ягодами кусты шиповника — эти разведчики леса, цепляясь за камни корнями, — ползли вверх по крутым обрывам, прокладывая дорогу старшим исполинам.

Король посмотрел под ноги. Перед ним в глубокой каменной чаше синело круглое озеро, окруженное почтительно расступившимся бором. Русгарат ступил на едва заметную тропку, проложенную горными козлами, и сошел по ней к воде. Взойдя на камень, торчащий у берега, он взглянул в зеркальную гладь. Из глубины на него смотрел широкоплечий коренастый бородач в сверкающем доспехе. Шлем со стальным гребнем и золотой полумаской закрывал глаза, щеки и переносицу, а нижняя часть лица пряталась под густой смолянисто-черной вьющейся бородой, заплетенной в косы и украшенной самоцветами. Рука, подняв маску, открыла миру широкий нос с горбинкой, высокие скулы и широко посаженные глаза искристо-синего цвета. Надо сказать, что цвет их мог меняться от небесно-голубого в часы веселья до оттенка штормового моря во времена ярости и гнева.

Сняв латные перчатки и привесив их к поясу, он преклонил колено и зачерпнул ладонями пригоршню ледяной, до хруста в зубах, воды. Напившись, отер влажными руками лицо и бороду, а поднявшись, вновь обратил свой лик к горам. Склон, в котором зиял выход из пещеры, был глубоко утоплен в горный массив. Справа и слева выступали мощные скальные выступы, поросшие упрямым шиповником, а высоко-высоко блистала над ними заснеженная вершина. Рядом с исполинской горой выстроились еще несколько гигантов, будто подросшие сыновья за плечами отца.

Улыбнувшись каким-то своим мыслям, правитель направился к горе, взошел на мощную базальтовую плиту, лежащую точно между выступами, и, опершись на рукоять молота, замер, закрыв глаза. Прошло довольно много времени. Казалось, он вновь оцепенел, превратился в живую статую. Но нет, глаза его распахнулись и вспыхнули синим пламенем, рука надвинула на лицо полумаску, латные перчатки заняли свое место. Русгарат взмахнул своим молотом, раскрутил его над головой, и тяжелейший удар обрушился на загудевшую каменную плиту.

Горы затряслись, будто от землетрясения, ударная волна пригнула вековые деревья, вырывая подлесок с корнем, вода в озере взметнулась столбом и заходила ходуном, выплескиваясь из каменного ложа, а вокруг витязя с грохотом обрушилось двенадцать огромных валунов. И вновь поднялся молот — на нем теперь горели ярко-голубым, почти белым светом священные руны, дарованные Аулэ. Вновь застонала земля, снова вода выплеснулась наружу, а стоящие вокруг воина валуны лопнули и щебнем развалились, открывая миру изваяния гномов в боевом облачении. Они стояли, широко расставив ноги и скрестив на груди руки, их бородатые лица были спокойны и безмятежны.

И в третий раз взметнулся молот, источая теперь нестерпимый свет и разбрасывая искры. Он снова обрушился на толстенную базальтовую плиту, которая лопнула под этим натиском. За много-много лиг, во всех обитаемых землях Средиземья был слышен глубокий подземный отзвук этого удара! Статуи потрескались, и яичной шелухой осыпалась с них тонкая каменная корка. Миру предстали первые мастера клана Железноруких — родоначальники великих подгорных семей, могучие витязи и верные соратники своего короля. Они открыли глаза и преклонили колени; гулко ударили в приветствии кулаки в боевых рукавицах по нагрудным панцирям. И молвили воины:

— Приказывай, повелитель!

— Встаньте, дети мои, — прозвучал глубокий, хрипловатый голос гномьего короля. — Пришло время проснуться нашему народу. Пора показать, кто мы такие, и разгадать предназначение наше на этой земле. Ибо не развлечения ради мы были созданы Махалом, и не просто так вдохнул в нас жизнь Всеотец. Вперед, гномы! Вперед, Кхазад!

Русгир посмотрел на притихших внуков. Судя по вытаращенным глазенкам и отвисшим челюстям, они были поражены величием древних дней.

— Неужели вы никогда не слышали этой истории? — спросил он.

Ребятишки дружно покачали головами.

— Кхм, ну ладно. Давайте, зайчата, бегите, вас там уже ужинать зовут. Скажите бабушке, что я сейчас подойду.

Анушка спрыгнула с колен деда и понеслась вслед за братьями. А старый воин, нарочито кряхтя, поднялся и встал перед старинным гобеленом, висевшим над его ложем. Несмотря на поблекшие краски, на нем еще можно было различить могучего предка, занесшего над головой огромный молот. Старик приложил к сердцу правую руку, склонил седую голову, и в тишине опочивальни едва слышно прозвучали тайные слова на истинном, сокрытом от чужаков языке кхуздуле.

Сказка 2. Родовые способности.

Дорога из подгорной школы домой всегда нравилась Рустику. Он очень любил ходить пешком, и ему никогда не надоедало рассматривать прекрасные залы Тумун-Аглана. Чтобы добраться до родного девятого чертога, одиннадцатилетнему гному нужно было пересечь три огромных общественных зала, преодолеть систему подвесных мостов над грохочущими горными потоками и пройти через несколько длинных срединных галерей.

Но сегодня Рустик шел медленно, сердито пиная носками прочных башмачков из воловьей кожи мелкую гранитную крошку. Его школьный камзол грустно висел на плечах, а сине-зеленый малахитовый колпачок был сбит на самый затылок — на душе у мальчика было пасмурно. На последнем уроке геометрии камня их класс возили на экскурсию к строящимся нижним переходам седьмого зала. Там вовсю кипела работа. Высшая каста зодчих — мудрые Крэхи в кожаных перевязях, утыканных калибровочными циркулями и отвесами, — размечали гигантскую несущую арку. Они делали это скрупулёзно, четко определяя, под каким углом каждая гранитная плита должна упереться в соседнюю, чтобы колоссальное давление горы Шат-Кхазад не раздавило чертог, а бережно распределилось по базальтовым стенам. Крэхи верили, что камень — живой, и если мастер уважает его углы, то камень сам подставит плечи под тяжесть мира. Этот урок оставил неизгладимое впечатление в душе мальчика, он был глубоко восхищен их мастерством.

Рустик остановился у края очередной галереи, завороженно наблюдая, как старый мастер-Вар легкими, точными ударами короткого молотка направлял тонкое зубило по шероховатой стене. Из-под его резца дикая, угрюмая скала внезапно выходила тончайшим, дышащим кружевом гранитных узоров. Каменные колосья и геометрические руны победы казались мягкими, словно пушистый снег, опускающийся на горы зимой. Одноклассник Рустика, Хорек, чей род славился лучшими кузнецами под горой, крутился там же и вовсю хвастался перед мастерами, что уже завтра разожжет свой первый личный горн. Рустик лишь закусил губу, чувствуя, как в груди закипает горькая обида.

Поднявшись на родной ярус на тяжелом цепном подъемнике, который со скрипом приводили в движение водяные колеса Зэров, мальчик дошел до массивной дубовой двери своих палат. Он бросил школьную сумку на резную тумбу в коридоре и прошел в гостиную. В комнатах приятно пахло заратуанским табаком и свежезаваренным липовым отваром.

Старый гном сидел в кресле на балконе, курил ароматный табак из длинной резной трубки и, прищурившись, смотрел на муравейник спешивших по своим подгорным делам сородичей.

— Деда!

— М-м?

— Ну деда!!

— А, что? — встрепенулся Русгир. — Ух, фух, кажется, меня немного разморило после сытного ужина. Что случилось?

Он посмотрел на нахмуренного Рустика из-под кустистых, седых бровей.

— Деда, Хорек хвастает, что его родичи кузнецы лучшие, чем мы!

— Это кто такой? Твой дружок Хоринек из рода Хоров? Хм, ну что ж, он прав. Их род действительно лучший в этом деле во всех Красных горах.

— Но ведь мы тоже умеем...

— Уметь-то умеем. Каждый из нас сможет выковать кирку или даже боевой топор, но Хоры — виртуозы в кузнечном ремесле, это у них врожденное, заложенное самим Первейшим из нас. Если Хор берется за молот, то сталь под его рукой поет, а лезвие секиры выходит таким острым, что может рассечь летящий по ветру волосок и не тупиться, сокрушая орчьи черепа.

Род Дофов, к примеру, получил уникальное чутье к поиску и движению рудных жил — они прекрасные рудокопы и ни за что не пропустят в каменной толще ни золотую жилу, ни драгоценный камень. Старый гном из рода Доф может просто приложить ухо к холодной гранитной скале, постучать по ней обухом топора и сразу сказать, сколько футов копать до богатого месторождения мифрила или алмазов. А род Сохов — великолепные воины, они еще в колыбели получают свое первое железное оружие и учатся держать щит раньше, чем ходить.

— А мы? Какой способностью наделил король нас? — чуть не плача спросил внук. — Неужели нам совсем ничего не досталось, раз Хорек так задается?

— Нас? — старый Русгир усмехнулся в усы. — Ты знаешь, какую руну содержат все имена нашего рода?

— Ну да, это руна «РУС».

— Верно. А у Хоринов — «ХОР», а у Дофов — «ДОФ». Эти руны указывают на нашу принадлежность к родам прародителей, тех самых, коих когда-то пробудил под горами первый Король.

— Так кто же тогда наш прародитель? Какая у нас способность? — мальчик в нетерпении уже пританцовывал и подпрыгивал, глядя на озорно улыбающегося деда.

— Ты что, до сих пор не понял? — спросил старик.

— Что, что я должен понять?! — Рустик так нервничал, что все его внимание было приковано исключительно к словам деда, мысли путались, а все вокруг плыло, как в тумане подгорных испарений.

— Эх, внучек, какой же ты невнимательный. Какая руна главная в твоем имени?

— Руна «РУС», но я не понимаю...

— Хорошо, а в имени нашего первого короля?

— Какого? Нынешнего или того... древнего, из хрустальной пещеры?

— Да и того, и другого, по большому счету.

— Ну... — и тут его глаза расширились, а сердце забилось чаще. — Мы что... из рода Великого короля?!

— Ну конечно! И мы, и наши правители, и еще несколько старших и младших ветвей — все мы прямые потомки Русгарата.

— Ого! — обрадовался Рустик, а потом серьезно задумался. — То есть кто-то из нас может стать королем клана?

— Ох, это было бы очень печально. Наследование у Кхазад идет по строгому старшинству, и наш клан должна постигнуть величайшая трагедия, которая уничтожила бы целых шесть старших родов Русов, чтобы очередь дошла до нашей тихой ветви. Так что не дай Махал нам такой судьбы.

— Ой, как хорошо, — Рустик явно повеселел, похоже, он совсем не хотел обременять себя тяжелой короной. — Но тогда в чем наша главная способность, если мы не кузнецы и не рудокопы?

— Ты меня удивляешь, — притворно расстроился дед, — я же тебе уже все объяснил.

— Ну деда! — обиделся мальчик.

— Эх, ладно, объясняю на пальцах. Наш прародитель Русгарат, пробуждая первых мастеров своего народа, вместе с частицей Неугасимого пламени отдал им свое могущество. Он делился способностями и отдал их все, до единой, но не полностью. Наш дар, внук мой, — обладание всеми способностями, что получил праотец от Махала. Русы могут делать всё! Но в этом же кроется и наше великое бремя, наше предназначение: мы никогда не станем лучшими ни в одной из этих наук.

Понимаешь, природа нашего клана такова, что только Русы могут заменить кого-то из другого рода, если случится беда. Прочнее драконьей чешуи доспехи, созданные детьми рода Тура, но дай им в руки кайло — и они обрушат себе на голову лавину. Тонки и изящны укра-

шения, созданные чуткими пальцами детей Гуна, но попроси их собрать камин — и он начнет дымить, как зловещий вулкан Кародуг. Они заперты в своем мастерстве. А вот наш выбор не предопределен кровью. Если клану будет нужно, то именно Русы встают за наковальни, спускаются в шахты и берут в руки свитки, чтобы Кхазад жили и процветали. И лишь тебе решать, Рустик, хорошо это для тебя или плохо.Сказка 2. Родовые способности.

Сказка 3. Потерянный род.

Старый гном сидел в кресле на балконе, курил ароматный табак из длинной резной трубки и, прищурившись, смотрел на муравейник спешивших по своим подгорным делам сородичей. Огромная люстра из горного хрусталя освещала весь чертог. Там, за гранитной толщей, закатное солнце озаряло склоны гор; его лучи бережно собирались внешними зеркалами и, сжимаясь при помощи линз, устремлялись по световым каналам в самое сердце скал, чтобы затем разбиться о грани люстры и, многократно отражаясь, залить мягким светом пещеру.

На столике у кресла стоял заварной чайник, вырезанный из цельного куска дымчатого, полупрозрачного камня голубовато-молочного цвета. Над небольшой жаровней попыхивал его бронзовый сородич, а в специальном углублении на подлокотнике покоилась тонкая фарфоровая чашка, изготовленная восточными умельцами. От нее ароматными завитками поднимался дивный пар. Чуткий нос смог бы выделить тягучий сбор липы, свежесть мяты и терпкость смородины, но даже самый изысканный эльфийский ценитель сильно удивился бы, узнав, что этот отвар содержит двести тридцать два ингредиента. Между затяжками старик подносил чашку к губам и отпивал волшебный напиток, а когда она пустела, кряхтя приподнимался и наполнял ее заново.

— Здорово, старик! — раздалось вдруг у него над ухом. — Чайком угостишь?

Русгир даже не вздрогнул — он давно услышал знакомые, тяжелые шаги старого друга. Но обернувшись, он невольно покачал головой.

Перед ним стоял правитель Азагхарат во всем своем монументальном величии. На плечах короля покоилась тяжелая, подбитая мехом горностаев мантия багряного шелка — цвета верховной власти клана. Грудь защищал парадный нагрудник из черненой стали, испещренный золотой насечкой рун, а широкий пояс, усыпанный редкими рубинами, едва удерживал церемониальный топор. Каждое движение Руссафира сопровождалось глухим, пафосным звонком драгоценных пряжек и золотых цепей. По закону Железноруких, государь обязан был являть подданным символ нерушимого богатства подгорного трона, но Русгир слишком хорошо знал своего друга. На широком лице короля, под густой седой бородой, читалась неподдельная тоска, а плечи были пригнуты не столько весом доспеха, сколько невыносимой тяжестью королевского этикета.

— От старика и слышу, — ответил Русгир, пожимая протянутую крепкую руку. — Присаживайся, коли пришел. И сними ты это парадное недоразумение, смотреть тошно, как из тебя Махала вылепить пытаются, здесь тебя никто не увидит.

Руссафир с видимым облегчением выдохнул, расстегнул тяжелую пряжку мантии и, небрежно бросив багряный шелк прямо на соседний стул, броня громыхнула о каменный пол, а король остался в простом кожаном поддоспешнике. Кресло из черного дуба скрипнуло под его весом.

И тут Русгир заметил, как бережно, едва касаясь толстыми пальцами, король поправил на своей шее простую, обтрепанную кожаную перевязь. На ней не было ни золота, ни рубинов — лишь старый, потемневший от времени и орочьей крови кованый жетон их инженерно-штурмового взвода. Такой же жетон, только бережно вшитый в боевой доспех, хранил и сам Русгир. Это была их личная святыня, память о днях, когда они спина к спине отбивали нижние штреки у гоблинских орд Мглистых гор. Корона могла остаться на столе, мантия — валяться на стуле, но этот кусочек потертой кожи Руссафир никогда не снимал, тайно нося его под парадным золотом у самого сердца.

Хозяин дома, приняв из рук невестки чистую чашку, самолично наполнил ее ароматным отваром и передал другу. Они просидели так не менее десяти минут, глядя на то, как постепенно затухает главная люстра, прощаясь с закатным солнцем. Смотрели, как загораются

огоньки в окнах подгорных жилищ, как молодые рабочие зажигают фонари в переходах, на мостах и галереях. Невестка Русгира вынесла лампадку и им: подвесила мягко светившийся шар на специальный крюк и тихо удалилась. Лишь после этого Русгир прервал молчание.

— С чем пожаловал, Ваше величество? — осведомился он у собеседника. — По делу или, как обычно, от дел прячешься?

— Что ж я, со старым другом поболтать не могу? — усмехнулся нынешний король гномов.

— Ну что ж, давай поболтаем, — согласился Русгир, и они снова замолчали.

— Ну вот и поговорили, — подытожил хозяин дома минут через пять.

— Эх, — вздохнул король. — Устал я, дружище, устал.

— Терпи, Руссафир, терпи. Ты король, подданный Махала, и не пристало тебе ныть перед лицом своего народа.

— Терплю я. Но иногда так хочется с кем-нибудь просто поговорить... Один ты у меня остался из нашего старого взвода.

— Нашего взвода?! — хмыкнул Русгир. — Помню я, как ты, будучи зеленым юнцом пятидесяти лет отроду, был навязан нам твоим грозным папашей-королем.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Руссафир. — Теплый же вы мне прием оказали тогда, ветераны!

— Это верно. Но ты выдержал, не побежал к папеньке под гору жалуясь. Мало того, кое-кто из наших парней даже в санчасть попал после твоего веского, гномьего ответа.

— Ага, в санчасти-то мы с тобой тогда и подружились.

— А что делать было? Больно уж скучно там лежалось, а ты, хоть и вредный был салажонок, но забавный.

— Да-а-а, было время... Сколько всего повидали, где нас только судьба не носила по Средиземью. И вот теперь из всех ветеранов остались только мы двое под этими сводами.

Они еще немного помолчали, мирно попыхивая трубками и созерцая огни подземного города.

— Ладно, пойду я, — сказал Руссафир, выколачивая пепел. Он оперся на подлокотники, собираясь подняться, как вдруг в доме послышались звонкие детские возгласы и строгий голос Муруси, жены Русгира:

— Стойте, чертята! Нельзя сейчас к деду, у него важный гость!

— Твои внуки? — поинтересовался у друга Руссафир.

— Мои, правнуки, — с гордостью в голосе поправил старик.

— Зови, дай посмотреть на них, а то столько лет не видел в этой суете.

— Дорогая! — крикнул Русгир жене. — Пусти ребятишек, тут гость желает их видеть!

Дети стрелой вылетели на балкон и замерли с открытыми ртами, узнав гостя.

— Ну, что встали? — поинтересовался дед.

Мальчишки живо стянули свои цветные колпачки и вежливо поклонились, а Анушка присела в смешном реверансе и сказала тоненьким голоском:

— Здравствуйте, Ваше величество!

Руссафир подхватил взвизгнувшую девочку и с размаху усадил себе на колени.

— Ай да красавица, ай да умница! — похвалил он и принялся шутливо тормошить и щекотать ее жесткой бородой.

— Не захваливай ребенка, — пробормотал Русгир, хотя по лицу его было видно, что ему очень приятна такая искренняя забота.

Наконец Анушка вырвалась и, перебежав к деду, залезла к нему на руки.

— Испугалась маленькая? — улыбнулся он. — Не бойся, этот старик хоть и выглядит грозно, как пещерный тролль, но детей любит.

— А я и не испугалась, — пискнула она, храбро прячась за дедову широкую спину.

— Вот и хорошо, — сказал дед, возвращая ее на колени и поворачиваясь к замершим мальчикам. — Что случилось? Вы что-то хотели, молодые люди?

— Э-э-э, — замялся старший.

— Мы лучше позже зайдем... — пискнул младший, и оба попятились, намереваясь сбежать.

— Стоять! — шутливо рыкнул дед. — Куда это вы собрались без разрешения, да еще в присутствии самого короля?

Мальчишки покраснели и вновь замерли перед старшими.

— Ну, говорите же.

— Деда, у нас вот какой вопрос, — набравшись смелости, начал Рустик. — Ты рассказывал, что Русгарат, Великий король гномов, призвал двенадцать прародителей и каждому дал особые способности. Вместе с королевским родом Рус должно быть тринадцать родов, а мы во всем клане насчитали только двенадцать. Куда делся тринадцатый род?

Русгир разом погрустнел. Он бережно спустил внучку на пол и поднялся сам.

— Позволь, я отвечу, — тихо сказал Руссафир. Он дождался согласного кивка друга, повернулся к притихшим мальчишкам и принял глубокий, торжественный вид: — В мире Арды существует семь великих кланов Кхазад, но наш восточный клан — особенный. Наш первый король не просто оживил родоначальников, он разделил между ними свое личное мастерство и силу, заложенную Махалом и разожженную Эру Илуватаром. Это был щедрый дар, ни один другой праотец не разделил свою душу со своим народом так близко.

Итак, род Хоров получил талант к кузнечному делу: они непревзойденные мастера, их сталь крепче любой другой в мире, харлужные клинки и булатные секиры не имеют от них секретов. Род Дофов — великие рудокопы, их мастера по мельчайшим признакам породы находят богатые жилы и самоцветы. Род Гунов умеет мастерить настолько чудесные украшения, что даже утонченные эльфийские владыки Нолдор восхищались работой их подмастерьев. Род Туров собирает доспехи невероятной прочности. Род Крэхов — наши великие архитекторы-строители, чьих рук делом является и этот прекрасный чертог. Род Виров — это механики-изобретатели, чьи хитроумные машины, баллисты и подъемники приводят в движение всю нашу подземную жизнь. Есть еще род Сохов — наши доблестные воины, род Локов — хранители летописей, род Варов — искусные камнерезы, чьи резцы превратили дикую скалу в кружево гранитных узоров и величественных статуй, род Норов — мастера подземных дорог, способные пробить тоннель сквозь самый упрямый базальт, и род Зэров — мастера водных путей, укрощающие ревущие подземные реки и направляющие их мощь на колеса наших кузниц. И, наконец, наш королевский род — Русы, унаследовавшие все способности понемногу. Вместе с нами они составляют двенадцать родов.

Король внезапно замолчал, словно натолкнувшись на невидимую стену, и обменялся со старым Русгиром долгим, тяжелым взглядом. Тайна тринадцатого рода веками лежала тяжелым камнем на сердце правящей династии. Руссафир тяжело вздохнул, его трубка давно погасла, но он продолжал сжимать ее в руке. Детишки же напряженно слушали, боясь пошевелиться.

— Был и тринадцатый род, дети, — глухо продолжил король. — Они носили священную руну «МАКХ» и были родом великих алхимиков и мастеров рунной магии. Они искали тайны превращения металлов, знали секреты редких кислот, горючих смесей и глубинных газов.

Давным-давно, еще в грозную Вторую Эпоху, наш тогдашний правитель поддался сладким, обманчивым речам Саурона, и взял от него тайное Кольцо Власти. Клан наш стал стремительно богатеть, слава о неисчислимом золотом богатстве Железноруких разнеслась по всему Средиземью. Казалось вот оно - счастье. Но золото, имеет один большой и страшный изъян — оно неудержимо привлекает… ДРАКОНОВ!

Король замолчал, и даже маленькая Анушка перестала дышать, вглядываясь в суровое лицо правителя.

— Огромный, древний змей, сокрушительный, как ураган, налетел на Красные горы, — тихо, но веско произнес Руссафир. — Одна за другой крушились наши древние цитадели, могучие заставы и высокогорные аванпосты. Ничто не могло остановить этот зловещий ужас, и вот чудовище добралось до самого сердца нашего царства — великой столицы Бар-Энгрин. Дракон был из тех, что называли Великими, его вскармливал из своих рук сам Моргот. Его панцирь был прочнее скал, его не могло пробить даже самое лучшее оружие, выкованное великими мастерами Хоров. От его пылающего, всепоглощающего натиска не спасали хваленые доспехи Туров, а прочнейшие бастионы Крэхов разлетались в труху от ударов его исполинских лап. Наш подгорный дом погибал…

Король перевел дух, и в его глазах блеснула гордость за великих предков.

— И тогда алхимики из рода Макхов решились на отчаянный шаг. Смешав расплавленное золото с чистейшей алмазной пылью, они создали драгоценную приманку, пред сиянием которой дракон просто не мог устоять в своей алчности. Ослепленный жадностью, змей ринулся за ней, и алхимики заманили его в самые глубокие, неизведанные подземелья под столицей. Там, во тьме глубинной бездны, где воздух дрожал от нестерпимого жара, они сплели всю мощь своих алхимических знаний со старейшим и самым могущественным ингредиентом в Арде — своей собственной кровью. Они начертали на гранитных стенах пещеры древние руны удержания и запустили необратимую алхимическую реакцию. Вспыхнувшие знаки навечно скрепили действие усыпляющего состава. Род Макхов запечатал чудовище в кокон вечного сна и полного забвения. Своды тоннелей обрушились, запечатав под тысячами тонн гранита и великого змея, и его победителей. Они спасли Бар-Энгрин от гибели, но тринадцатый род исчез навсегда, оставив после себя лишь память о великой жертве.

Руссафир грустно посмотрел на свои широкие ладони.

— С тех пор прошло много веков. Сегодня некоторые ветви нашего королевского рода Русов вынуждены выполнять работу алхимиков и мастеров рун. Нам нелегко: всё, что нам под силу — это лишь бережно смешивать старые составы и чертить знаки по уцелевшим книгам, что когда-то оставили Макхи. Мы храним их наследие, но повторить их гений, создать что-то новое, прорывное и великое нам просто не дано природой. Но такова сама суть и долг рода РУС — подставлять плечи там, где образовалась пустота, чтобы Кхазад выстояли в этом меняющемся мире.

Мальчишки сидели бледные и притихшие, потрясенные величием и трагизмом этой подгорной истории.

— Ну всё, хлопцы, засиделись вы, — мягко прервал затянувшуюся тишину старый Русгир, заметив, как у маленькой Анушки уже слипаются глаза. — Бегом в кровати, а то бабушка Муруся нам обоим головы открутит за нарушение режима.

Мальчики послушно поднялись, аккуратно надели свои цветные колпачки и, еще раз чинно поклонившись королю, бесшумно ушли в свои комнаты, уводя заспанную сестренку.

На балконе снова воцарилась тишина. Затухающая хрустальная люстра окончательно погасла, уступив место мягкому свету лампадки. Руссафир дождался, пока за детьми закроется тяжелая дубовая дверь, медленно раскурил свою трубку и, пустив к сводам струю сизого дыма, негромко произнес:

— Как думаешь, Русгир... они найдут их? Наша подрастающая молодежь. Ведь мы с тобой знаем, что легенды недоговаривают, и род Макх не сгинул под Бар-Энгрином до последнего гнома.

Русгир тяжело оперся о каменные перила балкона, глядя на зажигающиеся внизу огни Дол-Кхазада. Его лицо, изрезанное морщинами старых походов, стало суровым, как сам гранит.

— Должны найти, друг мой. Иначе, когда Саурон наберет полную силу на Дальнем Западе, наши Русы просто не смогут вечно удерживать угасающие руны на чужих, ветшающих книгах. Надежда — это всё, что у нас осталось после той древней великой битвы...

Король молча кивнул, вспоминая то, о чем молодым гномам знать пока не полагалось по закону: — Да... Та страшная война в Первую Эпоху, Война Гнева, когда Валар сокрушили Ангбанд, и куда отправилась наша великая армия Железноруких. Пока эльфы ломились в лоб по открытым равнинам Белерианда под огненным градом Моргота, наши военачальники вели воинов тайными подземными путями, сквозь недра земли. Они приняли весь удар на себя, заперев в глубинных тоннелях яростных балрогов Тьмы и отвлекши их от эльфийских флангов. Гномы перебили демонов, но наша армия сгорела в том демоническом пламени почти целиком, но быть может именно тогда выжившие гномы и Макхи в том числе, ушли еще глубже, в самые недоступные недра мира. Мы обязаны верить, Русгир. Обязаны верить.

Сказка 4. Великий исход.

Старый Русгир уже битый час ходил по своим просторным палатам, сердито ворча под нос и заглядывая под каждый пуфик. Пропала его любимая трубка — длинная, вырезанная из корня заморского дуба, с которой он никогда не расставался после ужина.

Поиски заставили его обойти весь дом, который старик знал до последней трещинки, и волей-неволей Русгир окунулся в воспоминания. Вообще его палаты были на редкость просторными и теплыми. Нелегко сделать уютной холодную каменную пещеру в глубине горного массива, но для истинного мастера подгорного народа нет ничего приятнее, чем обустраивать свой дом для будущих поколений. Вот и Русгир за свою долгую жизнь приложил к этому немало сил, терпения и инженерного умения.

Проходя по комнатам, он то и дело гладил рукой тяжелые каменные стены. Наш старый ветеран помнил, как сам, будучи молодым и полным сил гномом, лично вырубал это жилье в твердой скале. Это случилось три поколения назад, когда их великий подгорный город уже вовсю процветал, и в недрах горы Шат-Кхазад, которую люди и эльфы за великой равниной звали Светлоносной, торжественно открыли для заселения новый, девятый по счету жилой чертог Тумун-Аглан — Сверкающих Чертогов. Русгир тогда был в почете у мастеров, поэтому получил редкое право первым выбрать место для своих палат, так что теперь весь этот огромный жилой ярус по праву носил его имя.

За столетия, прошедшие со времен Великого Исхода, Тумун-Аглан перерос свою старую родину. Это была уже не просто «новая столица», а колоссальный, невероятно красивый и обжитой город под горой, превосходивший Бар-Энгрин и масштабом, и инженерным гением зодчих Крэхов. Восемь огромных залов-чертогов, вырубленных до этого, были доверху заполнены подгорными жителями. За эти века Кхазад полностью восполнили тяжелые потери, понесенные когда-то в беспощадных битвах с Морготом и в огне драконьего налета. Под сводами города кипела жизнь, звенели тысячи молотов и рождались новые семьи. Невосполнимой оставалась лишь одна потеря — род великих алхимиков Макхов, чье опустевшее место в иерархии клана по закону крови продолжали самоотверженно удерживать универсальные Русы, подменяя ушедших братьев.

Русгир шел через гостиную, соединенную с общим городским чертогом широким коридором. В этом переходе располагались удобные, глубокие ниши, где дед аккуратно развесил тяжелую верхнюю одежду, поставил кованые дорожные трости и разложил сложный рабочий инструмент — ведь подгорный житель ни за что не потащит рабочие кайла внутрь чистых жилых покоев. Из гостиной вел просторный проход в рабочий кабинет, заставленный свитками, картами и тяжелыми книгами, а за ним располагалась большая, защищенная от посторонних шумов опочивальня. Уже позже, по мере естественного роста семьи, Русгир прорубил отдельные уютные комнаты для своих детей, а затем и подросшие сыновья сами вырубали свои жилые отсеки в гранитной толще.

Дом постепенно наполнялся всяческими нужными, дорогими сердцу вещами: массивными сундуками с железными ободами, резными комодами из редкого черного дерева, широкими кроватями и мягкими кожаными креслами. Все было сделано на века из лучших материалов — прочного тесаного камня, столетнего мореного дуба, плотной дубленой кожи и кованого железа. На них стояли хрустальные кубки и драгоценные чаши, на стенах на фоне старинных штандартов и гобеленов висело разнообразное и диковинное оружие и доспехи. За многие предметы этой изысканной мебели и образчики уникальных артефактов заезжие коллекционеры и купцы из других кланов, прибывавшие из-за моря Рун, предлагали Русгиру огромные мешки золотых монет, но старый гном обустраивал свою подгорную берлогу исключительно для себя, и каждая вещь здесь стояла на своем собственном, строго отведенном месте.

Каждая чашка, каждый подсвечник имели свою уникальную историю. Взглянув на старую резную тумбу в кабинете, Русгир наткнулся взглядом на рукоять своего старого боевого топора, висевшего на почетном месте — на его стали были четко выбиты руны древней победы. А стоявший на полке потемневший серебряный кубок напоминал деду о великом пире во дворе союзного человеческого короля Рованиона. Все деревянные и каменные поверхности в доме были покрыты искусной, тончайшей резьбой, украшены листовым золотом, черненым серебром и редкими драгоценными камнями из глубоких восточных жил Орокарни. Стены и потолок палат также были сплошь покрыты замысловатыми геометрическими узорами, выполненными с великим вкусом, терпением и старанием подлинного мастера Кхазад. Сам король Руссафир очень любил приходить сюда в неофициальные гости и подолгу пил с хозяином крепкий ароматный отвар, искренне наслаждаясь красотой и удивительным покоем этих комнат, сбегая от бесконечных королевских забот, чтобы наконец-то побыть простым гномом и насладиться тишиной у подгорного домашнего очага.

— Да куда же она делась?! — в очередной раз проворчал дед, заглядывая за под комод в гостинной.

В этот момент в дверях послышалось дружное хихиканье. Русгир обернулся и увидел своих правнуков. Рустик, Хрустик и Анушка стояли рядышком. Рустик победоносно держал в руках ту самую пропавшую трубку, а Анушка прятала за спиной мешочек с ароматным заратуанским табаком.

— Попался, дедушка! — весело закричал Хрустик, поправляя свой багряно-красный колпачок. — Твоя трубка у нас!

— Ах вы, мелкие пещерные гоблины! — напустив на себя суровость, рыкнул дед и грозно зашевелил бровями. — Воровство в чертогах Азагхарат? Ну-ка живьем отдавайте мое добро, пока я не взялся за ремень!

— Не отдадим! — храбро пискнула Анушка из-за спины брата, забавно переступая в своих лавандовых туфельках. — Отдадим только в обмен на сказку! Прошлый раз король Руссафир не дорассказал, почему наши предки ушли из старого Бар-Энгрина. Расскажи, деда!

Русгир вздохнул, но в его искристо-синих глазах заплясали теплые огоньки. Против этих троих у старого воина не было никакого оружия. Он кряхтя усадился в свое любимое глубокое кресло из черного дуба и похлопал себя по коленям.

— Ладно, разбойники, ваша взяла. Садитесь и возвращайте трубку.

Ребята мигом подбежали, Рустик бережно передал деду трубку, а Хрустик насыпал в нее табак. Анушка привычно взобралась к деду на колени, а мальчишки устроились на мягких пуфиках у его ног, ловя каждое слово. Старик раскурил трубку, пустив к потолку струю сизого дыма и начал рассказ:

— Вы хотите знать, почему наши предки бросили Бар-Энгрин — величайшую некогда цитадель в глубинах Уру-Шатах, которую в ту славную пору кузниц и горнов звали Огненной Гордостью? Это случилось многие и многие поколения назад, во времена наших пращуров. Наша новая столица Тумун-Аглан тогда только-только начинала строиться в недрах Шат-Кхазад, и первые гномы со заселяли самый первый, верхний зал. Исход из старого дома не был бегством от видимых врагов, это было медленное, удушающее отступление перед невидимым злом.

После того как отважные алхимики из рода Макхов запечатали великого змея в глубинной бездне под городом, в Бар-Энгрине вроде бы воцарился покой. Но длился он недолго. Камни не обманешь, дети. Наш подгорный народ веками неразрывно связан с плотью гор, мы чувствуем камень, как свою кожу. И вот спустя годы наши прадеды начали ощущать, что с Огненной Гордостью что-то не так. Глубинные рудокопы Дофов первыми стали отказываться спускаться в нижние ярусы — они утверждали, что из трещин в породе веет чужой, затаенной и сытой злобой. Кузнецы Хоров жаловались, что пламя в печах угасает и коптит, словно его

душит невидимый тяжелый дым. Сама гора больше не пела для Кхазад — в её некогда величественных чертогах поселился вечный, липкий и грызущий душу неуют, словно древнее зло навсегда отравило сам гранит. Гномы просто чувствовали себя там плохо, и с каждым годом эта незримая тяжесть лишь нарастала.

— А почему они ушли, деда, раз дракон погиб? Почему не остались жить в очищенном городе? — тихо спросил Рустик, подперев кулаком щеку.

— Потому что наши прадеды были уверены, что алхимики уничтожили змея раз и навсегда. Никто из простых мастеров и представить не мог, какие именно руны и секретные препараты использовал род Макхов — все верили, что тварь мертва. Но камень... камень не обманешь, дети. Мы, подгорный народ, не можем жить там, где гора исходит безмолвной тоской и затаенной скверной. Бар-Энгрин перестал быть домом, он стал склепом. К тому же, оставлять жилые кузни и звенеть наковальнями над головами тринадцатого рода, чья бездна стала их братской могилой... это было бы страшным осквернением их памяти. Тогдашний Великий Совет рассудил верно: древний город должен был уйти в прошлое. Гномы навсегда запечатали парадные врата и переименовали вершину в Азан-Махал — Тень Создателя, провозгласив её священным Храмом-Усыпальницей, куда отныне запрещено было вступать любому живому.

Дед затянулся, и огонек в трубке ярко вспыхнул в полумраке комнаты.

— Но была и еще одна причина, о которой правители поначалу помалкивали. Проходили века, сменялись поколения, и память о драконьем пламени неизбежно начала бы стираться. Правящие короли из рода Русов опасались, что со временем среди Азагхарат нашелся бы какой-нибудь особо ретивый, безумно жадный или просто не в меру любопытный рудокоп. Кто-то из Дофов, увлекшись богатой золотой жилой, мог пробить глухую стену, докопаться до проклятой нижней пещеры и нарушить покой святилища, чтобы добраться до старых сокровищ. В то, что змей всё еще жив в своей каменной могиле, к тому времени уже мало кто верил, считая это старой пугалкой... Но короли не имели права так рисковать. Если бы руны Макхов были нарушены, и чудовище пробудилось — Кхазад встретили бы его в полуразрушенном, расслабленном городе.

Поэтому наши прадеды собрали пожитки, затушили великие горны и ушли прочь, начав великую стройку здесь, в чистых скалах Шат-Кхазад. С тех пор мы возвели девять прекрасных чертогов Тумун-Аглан, полностью вернули былую численность и величие нашего народа, сделав новый дом краше и безопаснее старого. И пока Азан-Махал спит за тысячами тонн гранита под охраной священных рун, наш народ жив и процветает. Ну а теперь, раз вы получили свою историю, а я — свою трубку, марш по кроватям!

Сказка 5. Цена подгорного трофея.

Внутренний торговый чертог Тумун-Аглана гудел, как потревоженный улей. Это место разительно отличалось от Внешних рынков у главных ворот, куда гномы лениво пускали людских купцов и эльфийских ремесленников. Здесь, в глубоких галереях под охраной монолитных базальтовых стен, велась торговля только между своими. По суровым подгорным законам чужакам было запрещено даже знать о существовании внутренних ярусов. Именно поэтому здесь, в безопасности закрытых рядов, свободно прохаживались гномьи женщины в расшитых золотом платьях, а под ногами солидных купцов с криками носилась детвора.

Зал был грандиозен: Крэхи спроектировали его в виде колоссального амфитеатра с ярусами, а Вары высекли на несущих колоннах барельефы великих кузнецов древности. Потолок терялся во тьме, но оттуда, с высоты, по сложной системе зеркал спускались сфокусированные снопы света, ярко озаряя прилавки с рудой, самоцветами и кованым железом. На входах стояла стража, не столько для охраны порядка, в среде гномов не было воров и обманщиков, основная их задача была не давать малышам выбегать во внешние торговые залы, нечего дылдам смотреть на малышей – еще сглазят. На стражниках были тяжелые пластинчатые доспехи, а в руках покоились широкие боевые топоры — бдительное око воинского сословия зорко следило, чтобы подгорный порядок не был нарушен.

В самом центре оружейных рядов стоял яростный, гортанный крик.

— Да побойся ты Махала, Торгар! — старый Русгир со стуком опустил на дубовый прилавок массивный, зазубренный широкий меч. — Ты предлагаешь за этот клинок жалкие тридцать серебряных монет? Да тут одного харлужного железа на сорок! Посмотри на этот эфес — это же подлинная орочья ковка из глубин Мглистых гор, тяжелая, злая сталь!

Купец Торгар, солидный толстяк из Эребора с ухоженной бородой, затянутый в кожаный фартук, презрительно фыркнул, даже не прикоснувшись к трофею. На его груди красовалась перевязь купца первой гильдии, усыпанная мелким ониксом.

— Твой трофей, Русгир, годится только на переплавку, — лениво отозвался купец, поправляя налобную линзу. — Орочья штамповка груба, баланс завален. Мои мастера переплавят этот лом на наконечники для шахтерских кайл, и тридцать монет — это еще щедрая цена из уважения к твоим сединам.

— На переплавку?! — Русгир от возмущения едва не выронил трубку. — Мой лучший боевой трофей — на кайла?!

В этот момент за спиной ветерана раздался знакомый топот башмачков. Группка подгорных ребятишек, весело бегавших по торговым рядам и глазевших на заморские диковинки, с разгону окружила прилавок. Рустик с одноклассником Хоревом, Хрустик и маленькая Анушка, крепко державшая за руку свою подружку из рода Локов, с любопытством уставились на ржавый, страшный клинок.

— Деда! — Рустик восторженно округлил глаза. — Это твой настоящий трофей? Из тех самых войн?

— Расскажи, дедушка! Как ты его добыл? — наперебой закричали Хрустик и Анушка. К прилавку тут же начали оборачиваться соседние купцы, рудокопы и прохаживавшиеся мимо прочие гномы. Гномы превыше всего ценили хорошую воинскую историю.

Русгир тяжело вздохнул, окинул взглядом собравшуюся толпу, затем хмуро посмотрел на непреклонного Торгара и оперся ладонями о прилавок.

— Ну что ж, слушайте, — голос старого воина разнесся по галерее, и гул рынка вокруг них стал стремительно затихать. — Это случилось сорок лет назад, когда наш штурмовой инженерный взвод пробивал проход в заброшенных штреках под Мглистыми горами. Мы шли рука об руку с проходчиками из рода Норов. Наша задача была проста: расчистить завал и укрепить

своды старой галереи, которую облюбовали гоблины. Но едва наши кайла ударили по породе, как из бокового ущелья, прямо из непроглядной тьмы, на нас хлынула серая орда. Их было впятеро больше.

Толпа вокруг прилавок замерла. Даже стражники на галереях чуть подались вперед, опираясь на топоры.

— Факелы погасли, мы остались в полумраке, — продолжал Русгир, и его глаза вспыхнули штормовым синим пламенем. — Норы держали крепь, воины сомкнули щиты и, ощетинившись копьями, приняли первый удар в лоб, а нам пришлось прямо с ходу разворачивать стрелометы. И тут из темноты вышагнул их вожак — огромный орк, ростом почти с человека. В его руках был именно этот меч. Он одним ударом расколол щит нашего молодого бойца и уже занес лезвие над его головой. У меня не было времени искать топор. Я схватил тяжелый кузнечный молот, которым мы забивали стальные балки крепи, и пошел наперерез.

Анушка испуганно прижала ладошки к щекам, а мальчишки затаили дыхание. Даже Торгар перестал перебирать свои монеты и весь обратился в слух.

— Злодей прыгнул сверху, свистя этой самой черной сталью, — веско произнес Русгир. — Об орочьем балансе я тогда не думал. Я ушел влево, гранитная крошка брызнула в лицо, и раскрученным инерцией ударом кузнечного молота раздробил ему правое колено. Его вопль до сих пор стоит у меня в ушах! Но несмотря на это, главарь — одурманенный каким-то зловещим зельем Тьмы — скрипя зубами, начал подниматься. Не давая злодею очухаться, я опрокинул его ударом плеча и, подхватив огромный булыжник, с размаху опустил его клыкастую морду. Клянусь Махалом, булыжник лопнул, а орк всё еще трепыхался! Весь в черной крови, это исчадие Моргота выпучило свои белёсые зыркала и вцепилось мне в горло когтями. И лишь мой верный засапожник прервал его никчемную жизнь, аккуратно войдя меж клыков точно в зловонную пасть.

Предводитель орков был повержен. Оставшаяся без вожака орда дрогнула и побежала назад, в свои темные норы. А этот меч я поднял с залитого кровью пола как знак того, что инженерный молот Кхазад сокрушит любое вражье железо!

Русгир замолчал и глубоко затянулся трубкой, выпуская густое облако дыма. Вокруг прилавка стояла абсолютная, благоговейная тишина. Спустя секунду по торговым рядам прокатился гул одобрительных гномьих голосов, а старые мастера уважительно закивали головами.

Теперь Торгар по-другому смотрел на ржавое зазубренное лезвие, лежащее перед ним. Его взгляд изменился — он почуял небывалую выгоду. Купец медленно запустил руку в свой кошель и достал оттуда тяжелый кожаный мешочек, который с глухим золотым звоном опустился на прилавок.

— Ладно, старый лис, твоя взяла, — Торгар уважительно наклонил голову и пододвинул клинок к себе. — Здесь шестьдесят золотых дукатов — полная цена, которую ты просил за эту железяку. Но у меня есть одно условие.

— Какое же? — прищурился Русгир, забирая золото.

— Этот меч я выставлю в своей лавке в Эреборе, — ухмыльнулся купец. — И каждому покупателю буду пересказывать твою историю, а за подтверждением отправлять к тебе, тебя знают многие гномы как самого правдивого гнома под всем Средиземьем. Договорились?

— Договорились, — улыбнулся в усы Русгир, обнимая подбежавших правнуков. — Слово Кхазад! А теперь, раз у деда завелось золото, мы идем покупать серебряное зеркальце для Анушки и новые пряжки на пояса будущих мастеров!

Сказка 6. Последние из отряда.

В таверне «Подгорный Очаг», расположенной на нижних ярусах седьмого чертога Тумун-Аглана, было шумно, людно и удивительно уютно. Это место ничуть не напоминало грязную людскую забегаловку: почтенные мастера Кхазад приходили сюда, чтобы отдохнуть после тяжелых смен у горнов и встретиться с близкими друзьями за кружкой хорошего пива.

Зал дышал вековой историей клана. На стенах, сложенных из безупречно подогнанных гранитных блоков, висели старинные гобелены, боевые знамена и потемневшие от времени щиты со следами вражеских ударов. Между ними благородным металлом поблескивало диковинное оружие. В помещении было светло и тепло: в глубоких нишах весело трещали смолистые лучины и факелы, а на массивных дубовых столах горели массивные бронзовые лампы со стеклянными стенками, надежно защищавшими свечи от пещерных сквозняков. Сам седовласый трактирщик, подпоясанный широким кожаным фартуком, с гордым видом лично разливал пенистое пиво из огромной дубовой бочки. Его дородная супруга, приветливо улыбаясь, разносила на огромных подносах ароматное жаркое и сочные, сочащиеся жиром свиные окорока. А у гигантского камина, где на вертеле исходил соком целый кабан, двое сонных поварят лениво крутили тяжелую кованую рукоять, жмурясь от летящих искр.

В самом дальнем углу, за тихим угловым столом, сидели двое старых ветеранов. Русгир и его армейский товарищ Сохвар не торопясь пили крепкое темное пиво из тяжелых оловянных кружек, мирно попыхивая трубками.

— А помнишь, как на штурме южного прохода у тебя сапог в расщелине застрял? — хрипло рассмеялся Сохвар, поглаживая шрам, рассекавший его густую бороду.

— Скажешь тоже, — ухмыльнулся в усы Русгир, делая глоток. — Я тогда просто выбирал позицию поустойчивее...

Договорить они не успели. К столу, шумно переговариваясь, подбежали Рустик, Хрустик и маленькая Анушка.

— Деда, деда! — Рустик восторженно дернул Русгира за рукав кожаного поддоспешника. — Трактирщик сказал, что тебя знает всё Средиземье как самого правдивого воина! Расскажи еще про войну! Твой товарищ ведь из Сохов — вы бились вместе?

Сохвар весело громыхнул кружкой по столу и подмигнул детям:

— Бились? Да мы с вашим дедом прошли такое, что молодым мастерам и в кошмарах не снилось! Ну-ка, Русгир, поведай им про Великую равнину. Пусть знают, как воюют настоящие Азагхарат.

Русгир грустно улыбнулся, глядя на огонек своей трубки, и пламя свечи в настольной лампе отразилось в его искристо-синих глазах штормовым морем.

— Это случилось на бескрайних просторах перед Рунным морем, — тихо начал дед, и его хриплый голос мгновенно заставил детей притихнуть. — Наш отряд сопровождал обоз, когда на открытой равнине нас окружила конная орава свирепых Истерлингов. Укрыться было негде — кругом лишь ковыль да небо. Воины Сохвора сомкнули щиты вокруг повозок, но врагов было слишком много. Их стрелы тучей затмили солнце. В первые же минуты боя погиб стрелок на нашем Железном жнеце — ну, такого тяжелого колесного станка, где был установлен стреломет, запряженный могучими горными козлами, — пояснил он ребятам.

— И что вы сделали? — прошептал Хрустик, сжимая кулаки.

— А что оставалось делать? — подхватил Сохвар, и лицо его стало суровым. — Вашему деду пришлось прямо под ливнем стрел запрыгнуть на телегу. Козлы взбрыкивали, пытаясь пуститься наутек, а Русгир, зубами удерживая их за поводья на месте, наводил тяжелые стальные болты и косил ряды нападавших одного за другим! А я со своими парнями кружил в пляске смерти вокруг повозки, прикрывая щитами стрелка и не подпуская к ней вражеских всадников.

— Но коней у них было без счета, — глухо продолжил Русгир, выпускавая струйку сизого дыма. — Скоро у меня закончились тяжелые стрелы. Вокруг нас легли почти все наши братья. Щиты были разбиты в щепки, а оружие выпадало из их онемевших рук. Я спрыгнул со Жнеца на вытоптанную траву, подхватил чей то топор, и мы с Сохваром встали спина к спине на крошечном пятачке земли.

— Мы рубились так долго, что сталь раскалилась в руках, — веско произнес Сохвар, и его глаза потемнели от старой памяти. — Вокруг громоздились горы вражеских тел, а мы всё держали и держали круговую оборону, зная, что отступать некуда. Когда подоспело подкрепление от ближайшей заставы, на ногах во всем отряде остались только мы двое. Двое из целой сотни...

Правнуки сидели совершенно притихшие, глядя на двух старых, изрезанных шрамами ветеранов с огромным, благоговейным уважением. Рустик бережно коснулся новой пряжки на своем поясе, словно проверяя её прочность, а Анушка тихо вздохнула, крепче сжав руку дедушки.

— Ну ладно, бегите домой, заждались вас матушки, — мягко прервал молчание Русгир, потрепав внучку по светлым кудряшкам.

Дети послушно поднялись и, тихо переговариваясь, побрели к выходу из таверны.

Когда тяжелая дубовая дверь за ними закрылась, в углу ветеранов снова воцарилось молчание. Русгир поднял руку, подзывая хозяина заведения:

— Уважаемый, принеси-ка нам по чарке вашей фирменной. Крепкой. Помянуть нужно...

Трактирщик молча кивнул и вскоре выставил на стол два небольших серебряных кубка, наполненных прозрачной, обжигающей горло подгорной настойкой. Ветераны молча приподняли чарки, в безмолвном салюте павшим и крякнув выпили до дна, и над трактирным столом негромко, в два голоса, зазвучала старинная, тягучая песня. В ней не было грохота молотов или рун победы — только горькая, вековая скорбь Кхазад по братьям, чьи кости остались лежать под холодными звездами Великой равнины:

Khazâd ai-mênu, urk khâzu,
Mîn Mahal fundu karaz,
Khamul nar-dûm, nâra ghâzu,
Azan-Mahal zirak taraz...

Они пели на тайном языке, но в тишине чертога эти суровые слова ложились на сердце чистой всеобщей речью:

В недрах камня легли Кхазад,
Их мечи поглотила тьма.
Пред Отцом они чинно спят,
Где навек замерла зима.
Орокарни хранит покой,
Где ковыль над холмом затих.
Спите, братья, в земле чужой —
Мы поем этот сказ за братьев своих.

Голоса стариков смолкли, и лишь сизый дым от их трубок медленно поднимался к черным гранитным сводам таверны, унося с собой имена тех, кто навсегда ушел в тишину Азан-Махала.

Сказка 7. День рождения мастера.

Палаты Русгира дрожали от заливистого смеха, звона хрустальных кубков и говора десятков голосов. Сегодня у великого мастера и ветерана юбилей ему исполнилось ровно двести пятьдесят лет. На этот заветный день со всей горы Шат-Кхазад и из самых дальних уголков Средиземья съехалась вся его огромная семья. Ради праздника старейшины отпустили сыновей со службы у горнов и из торговых экспедиций, проходчики остановили машины в дальних штреках, а молодые внуки вернулись из опасных военных и разведывательных походов за Море Рун.

Посторонних в доме не было. Сослуживцы по взводу, мастера гильдий и даже сам король Руссафир знали нерушимый закон Кхазад: их день — завтра. А сегодня под резными сводами палат собралась только семья.

Столы ломились от угощений, приготовленных женщинами рода. Там исходили паром запечённые с горными травами окорока, золотилась хрустящая корочка пирогов и томилось сочное жаркое. На почетном месте красовались подарки. Дети и внуки привезли деду заморские диковинки: редкое табачное зелье с лугов Шира, тончайшие шелка с загадочного Востока, сапоги из мелкого, но не менее опасного ползучего выродка драконов, шкатулку из легкого, но прочнейшего каменного дерева и мифриловый кинжал, приобретенный за баснословные деньжищи у одного из сынов Дурина. Был еще ящик прекрасных эльфийских вин, меч какого-то принца из династии Эорлингов, плащ с серебряными лебедями Лотлориэна и много чего еще.

А правнуки, среди которых Рустик, Хрустик и Анушка были старшими, с гордостью выложили перед дедом свои первые поделки — кривовато обточенные, но сделанные с огромной любовью каменные фигурки и вышитые ленты для вплетения в бороду. Из-за стола за ними вовсю наблюдали четырёхлетние близняшки Сьюруса и Додорус, которые пока ещё не умели так быстро бегать и живо разговаривать как старшая троица, а некоторые правнуки и вовсе глазели с рук матерей. Неумелыми поделками малышей Русгир наслаждался дольше всего, бережно гладил каждую из них своими мозолистыми пальцами, и его глаза светились искренним счастьем.

В самый разгар веселья старый ветеран поднялся, и в зале мгновенно воцарилась уважительная тишина. Позади деда Муруся хлопотала у детского стола, а Рустик, Хрустик и Анушка замерли на своих пуфиках, не сводя глаз с прадедушки. Русгир самолично распечатал заветный, покрытый вековой пылью бочонок дорогущего и невероятно ценного вина, которое берег больше полувека. Наполнив кубки темно-рубиновым нектаром, он поднял свою чашу.

— Дети мои, внуки и правнуки, — хрипло, но веско начал Русгир, оглядывая сидящих за столом будущих мастеров и воинов. — Я вижу здесь тех, кто куёт сталь, тех, кто пробивает дороги во тьме, и тех, кто охраняет наши рубежи. Глядя на вас, я вспоминаю своих родителей, которых давно принял в свои чертоги Махал. И сегодня мой тост — за них. И за историю имени, которое я ношу.

Старик пригубил вино, и сизый дым его трубки плавно поплыл к геометрическим узорам потолка.

— Мой отец, как и мы, был из нашего королевского рода Русов. Отец был великим воином, его до лязга зубов боялись орки, у гоблинов подкашивались лапы при одном его имени, а услышав его боевой клич, у испуганных троллей начинали болеть зубы! А матушка происходила из славного рода кузнецов Хоров. После замужества она с гордостью приняла в свое имя руну «РУС». Она родилась под звон молотов в жаре кузни, и сколько себя помню, вечно что-то ковала — мой первый засапожный нож был её работой. Не могу сказать, что я был обласкан их вниманием, нет. Они любили меня, думаю, сильнее, чем себя или друг друга, но рассюсю-

киваться со мной себе не позволяли. Они растили меня в строгости наших законов, и гномья честь всегда стояла во главе стола. И, как мне кажется, из меня вышел неплохой гном?!

Все за столом весело заулыбались. Еще бы неплохой – гордость всей семьи.

Русгир обвёл взглядом притихших правнуков и улыбнулся:

— А имя мне дали в честь одного очень неприметного дедули, гнома даже не из нашей ветви. В подгорной школе меня поначалу дразнили, твердили, будто мой тёзка был настолько стареньким, немощным и убогим, что ли... Ровно до того момента, как на уроках нас не заставили выучить назубок историю великого Русгира — победителя Чёрного колдуна. Вы, взрослые, конечно же, помните это предание, а вы, малыши, — он повернулся к малому столу, подмигнув притихшим Сьюрусу и Додорусу, — скоро будете её учить. Он одолел великого чёрного колдуна-некроманта, одного из тех злодеев, что наводнили гробницы Арнора и позже превратились в жутких умертвий. В той жуткой схватке чёрный чародей высосал почти все его жизненные силы, оставив лишь дряхлую оболочку... Но железная воля великого воина смогла удержать в себе искру предвечного огня Махала. Он превозмог леденящую порчу и нанёс свой последний, смертельный удар. Тёмный властелин пал, а поверженный герой выжил, став символом нашей несгибаемости. Так выпьем же за то, чтобы в жилах нашего рода никогда не угасал этот благородный огонь, и чтобы гномья честь вечно вела нас сквозь любую тьму! Вперед, Кхазад!

— Вперед, Кхазад! — громом отозвались десятки голосов, и палаты Русгира содрогнулись от победного, счастливого звона кубков клана Железноруких.

Сказка 8. Оружие древних.

В просторном цехе главной общественной мастерской Тумун-Аглана, за которой надзирал клан механиков, пахло машинным маслом, горькой канифолью, древесной стружкой и застарелым табачным дымом. Стены этого просторного помещения были сплошь занавешены сложными чертежами всевозможных приспособлений и механизмов, на массивных верстаках из мореного дуба в беспорядке лежали кованые тиски, тяжелые кузнечные молотки, тонкие резцы и калиброванные штангенциркули. На полках теснились ящики с шестеренками, бронзовыми втулками и мотками приводных ремней.

Прямо по центру комнаты на прочном стальном столе покоилась загадочная, покрытая слоем древней патины находка, которую дальняя северная экспедиция Кхазад откопала в вековых льдах на границе Фородвайта.

Вокруг стола расселась рабочая группа лучших умов города. Возглавлял изыскания старый Русгир — не только из уважения к его сединам, но и потому, что он, как истинный Рус, обладал универсальным даром понимать суть каждого ремесла. Мастер-механик Баровир, в чьем ведении и находился этот цех, досконально разобрался, как в агрегате всё крутится, цепляется и вертится, но решительно не мог понять его конечного военного назначения. Мастер-оружейник Торхор до мельчайших нюансов изучил состав сплава лезвий и секрет их заточки, но без понимания того, как барабаны приводятся в действие и против кого направлены, не знал, как правильно установить их на станину.

Русгир медленно ходил вокруг стола, попыхивая трубкой, бережно связывал обрывки данных воедино и шаг за шагом подталкивал каждого мастера на правильный путь. Рядом хмурился грозный мастер-воин Гримнисох, прикидывая тактику применения «оружия», а чуть поодаль, обложившись книгами, сидел исполняющий обязанности мастера-алхимика Рустанг, по буквам разбирая полустертые знаки на бронзовой табличке агрегата.

В этот момент дверь в мастерскую скрипнула, и в мастерскую задорно влетела Анушка.

— Деда, деда! Бабушка Муруся зовет тебя на обед. Там пироги остывают!

— Не время сейчас, внучка, — ласково, но твердо отмахнулся Русгир, не отрывая взгляда от узлов сцепления. — Беги обратно. Скажи бабушке, пусть мне тормозок сюда принесет. Не оторваться нам, слишком важная задача.

Девочка кивнула и сделала шаг к выходу, но безудержное любопытство пересилило. Она подошла ближе к столу, приподнялась на цыпочки и, заглядывая за плечо оружейника, звонко спросила:

— А чего вы тут делаете?

— Уходи, егоза, не мешай, — проворчал Баровир, едва не размазав тушь на пергаменте, где набрасывал эскиз.

Девочка не отстала, подбираясь к самому агрегату. Русгир свирепо зашевелил бровями, шумно выдохнул и резко развернулся к правнучке:

—Ты знаешь людскую сказку про Варвару, которой на рынке нос оторвали?! – Осекся, поздно спохватившись.

А девочка уже стрекотала: — Кто такая Варвара? Почему оторвали? Как оторвали? Совсем оторвали? А она была принцессой? А она была красивая? А она плакала, когда оторвали? Ну деда, ну расскажи!

Коллеги Русгира притихли. Кто-то ухмыльнулся в бороду, а Гримнисох недовольно крякнул.

Русгир растерянно оглядел друзей, почесал затылок и прокряхтел:

— Ладно, мастера. Давайте перекур устроим, а то мозги от этих шестеренок уже набекрень. А я пока с этой пигалицей разберусь.

Все, кроме Рустанга, который продолжал что-то ожесточенно выписывать на листочке, с облегчением оторвались от работы и вытащили свои длинные трубки. В мастерской сладко затрещали лучины.

— Значит, слушай, — начал дед, усаживая внучку на край свободного табурета. — Жила-была в Гондоре девица, и звали её Варвара.

— А какая руна была главная в её имени? — тут же перебила девочка.

— Да помолчи ты, дай дорассказать! Никакой руны, это же люди! Так вот, была она девицей донельзя любопытной. Всё ей было интересно: и что позволено знать, и что нет. Однажды на рынке она подслушала разговор двух заморских купцов и узнала о великой государственной тайне.

— Деда, а она была красивая? — опять вставила Анушка.

— Тьфу ты! Ну что за егоза! — рассердился дед, шутливо хлопнув ладонью по колену. — Перестанешь перебивать?

— Всё, всё, я молчу, — девочка забавно зажала рот ладошками.

— Узнала она тайну, — продолжил Русгир, — и давай трепаться о ней по всему городу. Дошли слухи до самого Наместника. Приказал он доставить девицу во дворец и говорит: «Раз ты любишь совать свой нос в чужие дела, то быть тебе без носа!». Схватил её своими крепкими пальцами — да как оторвет! И стали её с тех пор звать Варвара Безносая. Никто её замуж брать не хотел, и дружить с ней все боялись. Вот так. А ну-ка, давай теперь сюда свой нос!

Русгир резко протянул руку, сделав пальцами «козу», но Анушка звонко взвизгнула и ласточкой отскочила к дверям.

Дед и его суровые друзья весело, раскатисто расхохотались. Девочка сначала обиженно надула губки, оценивая обстановку, но, поняв шутку, рассмеялась вместе со всеми. Она уже взялась за ручку двери, собираясь убежать к бабушке, но, обернувшись на прощание, озадаченно спросила:

— А кого вы собираетесь такого большого стричь?

— Что?!

Пять пар удивленных, умудренных опытом гномьих глаз мгновенно уставились на внезапно вспотевшую девочку. В мастерской воцарилась глухая, ошарашенная тишина.

— Ой... — пискнула Анушка, сообразив, что сболтнула лишнего, и дернула ручку двери.

— Стоять! — припечатал её к полу грозный, зычный оклик деда. — А ну-ка, иди сюда.

Девочка, вся дрожа от страха и крепко прикрывая свой маленький носик обеими ладошками, осторожно приблизилась к столу.

— Да не бойся ты, глупенькая, не буду я тебе нос отрывать, — уже мягче сказал Русгир, приседая перед ней. — Расскажи деду, почему ты подумала, что мы собрались кого-то стричь?

— Ну как же... — Анушка робко убрала руки от лица и ткнула пальчиком в загадочный агрегат. — Это же точь-в-точь машинка для стрижки горных баранов, только очень-очень большая. Вот эти лезвия на барабанах шерсть срезают, вот эти колесики — чтобы она по спине ездила и шкуру не резала, а вот сюда, кожаные ремешочки вставляются, чтобы держать её, когда скотина брыкается.

Русгир медленно выпрямился и растерянно оглядел притихших друзей. Торхор уставился на лезвия, у него даже линза с глаза упала. Баровир перевернул свой чертеж «боевой машины» вверх ногами.

Воспользовавшись этой ошарашенной паузой, Анушка ловко выскользнула из мастерской и мгновенно скрылась за дверью. Но взрослым мастерам было уже совершенно не до неё. Все те данные, которые Русгир помогал им связывать воедино, наконец-то сложились в безупречную картину.

— А ведь действительно... машинка, — первым подал голос механик Баровир, осторожно прокручивая шестеренку, назначение которой теперь стало кристально ясным. Барабан с лезвиями со скрипом провернулся. — Только кого такой махиной стричь?

— О... я, кажется, знаю! — после минутного глубокого раздумья воскликнул Гримнисох, хлопнув себя по лбу. — Элефантов! Южных боевых великанов!

— Да ты в уме ли, Гримнисох? — возразил купец и кузнец Торхор, чей взгляд на заточку лезвий мгновенно переменился. — Элефанты Харада голые, как колено, у них нет шерсти!

— Так мы же нашли эту штуку далеко на Севере, во льдах! — победно парировал воин. — Там вечный холод. Возможно, в древние эпохи там водились волосатые элефанты?

— Мастадонты... — тихо вспомнил древнее, полузабытое слово Русгир, чувствуя, что распутывает последнюю нить загадки. — Огромные северные шерстистые исполины древности.

— Хорошо, — Торхор нахмурился, глядя в угол, где сидел алхимик. — А заклинание на бронзе тогда зачем? Зачем на бритву накладывать боевые чары?

Все снова озадаченно замолчали. И тут Рустанг, сегодня исполняющий обязанности мастера-алхимика, наконец-то оторвал тяжелую голову от старинных свитков. Его глаза блестели от усталости и внезапного озарения.

— Это не боевое заклинание, мастера, — устало улыбнулся молодой Рус. — Я перевел. Это обычная инструкция по эксплуатации и уходу за лезвиями, чтобы сталь не ржавела во льдах.

В мастерской снова воцарилась тишина. Пять седых, почтенных гномов стояли, окутанные клубами дыма, и пытались осмыслить услышанное.

— Да-а-а... — в конце концов протяжно резюмировал Торхор, выколачивая трубку об урну. — Пять лучших мастеров клана неделю до хрипоты бились над «грозным оружием древних», а одна маленькая светлая головка в полвзгляда определила машинку для бритья мастадонтов.

И гномы снова дружно задымили своими трубками, задумчиво глядя на блестящий в лучах света мирный инструмент давно ушедшей эпохи.

Сказка 9. На крыше мира.

Маленький высокогорный лужок, залитый щедрым золотым солнцем, уютно устроился на небольшом естественном балкончике-плато. Добраться сюда по отвесному склону монолитной горы Шат-Кхазад было совершенно невозможно. Мало того, это дивное место было надежно скрыто со всех сторон высокими скальными стенками, словно природа Орокарни специально создала тайное святилище для себя самой.

Русгир нашел это плато много лет назад, когда вместе с военными строителями рода искал идеальную точку для установки очередной сторожевой башни. Для массивного оборонительного форта площадка оказалась слишком мала, и скалолаз просто... промолчал. Будучи в ту пору молодым и отчаянным, Русгир решился на отчаянное бунтарство. Втайне от всех он прорубил к плато узкий, извилистый лаз прямо от технического лифтового штрека. Узнай старейшины или королевский дозор про неучтенный, незащищенный ход наружу — Русгира бы не пожалели по всей строгости подгорного закона. Но жажда свободы перевесила страх. К тому же, как опытный штурмовик, Русгир сам установил в лазе хитроумные ловушки, готовые в любой миг обрушить каменные своды на голову любому недругу. С тех пор он выбирался сюда, чтобы в тишине подышать чистым воздухом и полюбоваться окрестностями. За долгие годы все его дети и внуки по очереди побывали здесь, перенесенные тайком, и до сих пор никто из них так и не смог догадаться, где именно находится этот скрытый рай.

Сегодня пришел черед правнуков. Русгир принес их сюда в больших холщовых мешках из-под муки. Секрет был строжайшим: сидеть внутри нужно было тише мыши, говорить запрещалось, и даже трепыхаться было нельзя, пока дед нес их по темным техническим штрекам.

Когда старик наконец опустил ношу на мягкую землю и развязал веревки, Рустик, Хрустик и Анушка, почти никогда не покидавшие каменные недра горы, одновременно ахнули.

На малышей лавиной навалились невиданные доселе эмоции. Восторг смешался с первобытным страхом перед колоссальным, открытым со всех сторон пространством. Ребята буквально задохнулись от налетевшей волны чистейшего, ледяного хрустального воздуха. Головы мгновенно закружились от бешеной высоты, но радость, даруемая ласковым солнышком, сочной зеленой травкой, пестрыми горными цветами и ослепительно белыми, сахарными вершинами вокруг, до краев переполнила их души. Хрустик восторженно зажмурился, подставляя лицо ветру, Рустик робко потрогал ладонью живой зеленый стебелек, а Анушка просто счастливо рассмеялась, глядя в бездонную синеву неба.

Старик тепло усмехнулся в усы. Он уже видел эту бурю восторга на лицах трех поколений своего рода.

Русгир не торопясь расстелил на траве плотный шерстяной плед, достал из походной сумки домашние пироги, сочное мясо, флягу со сладким ягодным отваром и устроил для правнуков настоящий пикник на свежем воздухе. Раскурив свою любимую трубку и пустив к облакам колечко сизого дыма, дед уселся на теплый валун. Дети мигом окружили его, ловя каждое движение.

— Ну что, пещерные жители, красиво? — прищурился Русгир. — Здесь, на самой крыше мира, небо кажется настолько близким, что до него можно дотянуться рукой. И именно здесь самое место для истории о тех, кто правит этой синевой. Слушайте же предание о великих орлах Манвэ...

— Итак, слушайте же, и не говорите, что не слышали! — тихо начал дед, и его хриплый голос мгновенно заставил детей притихнуть. — Вы привыкли к надежной твердости гранита, к теплу наших домашних горнов и блеску самоцветов. Но высоко над нашими чертогами, там, где заканчиваются самые отвесные пики и начинается царство чистых ветров, живут те, чьим домом стала сама пустота. Великие орлы Манвэ.

— Деда, а они большие? — Анушка смешно округлила глаза, робко коснувшись его мозолистой ладони.

— Большие? — Русгир уважительно усмехнулся в усы и глубоко затянулся трубкой. — Самый молодой из них шире в размахе крыльев, чем восемь горных козлов, стоящих в ряд. А их великие вожаки древности могли закрыть крылом солнце над целым горным ущельем! Давным-давно, на самой заре Первой Эпохи, сам владыка воздуха Вала Манвэ сотворил их и послал в Средиземье. Он наделил их зорким взором, способным разглядеть копошащуюся мышь сквозь густую пелену тумана, и соткал их перья из самого крепкого горного воздуха и солнечного света. Их долг был суров — летать над миром и высматривать зловещие козни Первого Врага, Моргота.

Хрустик подался вперед, его багряно-красный колпачок забавно съехал на лоб, а кулаки сжались:

— И они воевали с черными полчищами, как наш королевский род?

— Еще как воевали, внучек, — веско произнес старик, пуская к облакам аккуратное сизое колечко дыма. — Когда наша великая армия Железноруких отправилась подземными путями в Белериand и приняла весь удар на себя, заперев яростных балрогов Тьмы в глубинных тоннелях, орлы Манвэ были нашей единственной крышей и глазами в небесах. В финале Войны Гнева, когда Валар рушили цитадель Ангбанда, Тьма выпустила свое последнее, самое жуткое оружие — крылатых огнедышащих драконов. Земля тогда содрогалась, а небо превратилось в кипящий океан черного пламени. И именно орлы приняли этот страшный удар на свои крылья. Они бились бок о бок с великим эльфийским кораблем-звездой, врезаясь в драконьи стаи, как наши штурмовые топоры врезаются в орочий строй. Их первый король, могучий Торондор, своими стальными когтями рассекал чешую чудовищ, спасая тех, кто бился внизу на выжженной земле.

— Деда, а они дружат с гномами? — тихо спросил Рустик, робко потрогав пальцем живой зеленый стебелек травы. — Они прилетают к нам в Орокарни?

Русгир грустно вздохнул, и пламя его трубки на мгновение ярко вспыхнуло в полуденном свете.

— Кхазад и Орлы — слишком разные, малыши. Мы — дети камня, любящие тишину подземных залов, звон наковален и прочность базальта. Они — дети ветра, презирающие любые стены, золото и закрытые замки. Мы редко встречаемся. Но у птиц Манвэ благородное, гордое и преданное сердце. Они никогда не забывают тех, кто храбро стоит против Тьмы. Рассказывают, что далеко на Западе, в Мглистых горах, их нынешний повелитель Гваихир не раз спасал из беды наших дальних родичей из линии Дурина, вытаскивая их прямо из огненных ловушек орков и гоблинов. Помните, дети: орлы всегда прилетают без зова и ровно в тот миг, когда надежда уже почти угасла и только к тем, кто этого заслуживает. Они появляются как спасение, и исчезают так же быстро, возвращаясь к своим недосягаемым гнездам на самых вершинах мира.

- Ой деда, как интересно. А мы их когда-нибудь увидим?

Старик промолчал, его глаза затянула поволока, он и сам с детства мечтал хоть одним глазком увидеть этих орлов, и чего греха таить, может потрогать или даже прокатиться на одном из них.

Дети еще долго, почти до самого вечера играли на лужайке, пели песни и сочиняли истории про то, как они сражаются с врагами, летают на орлах и спасают мир. А дедушка дремал и детские фантазии тонкой пеленой обволакивали его вырастая в невероятно красивый и добрый сон.

Сказка 10. Урок упрямым королям.

Сегодня дед был явно не в духе. Он сердито топал по своему просторному рабочему кабинету и шумно стучал кулаком то по своей широкой мозолистой ладони, то по толстой дубовой столешнице письменного стола. Было видно, что Русгир только что откуда-то вернулся, и эхо какого-то тяжелого, яростного спора все еще бушевало в его ветеранской крови.

— Да как же так?! Что за упрямый баран! — сетовал старый мастер, гневно хмуря свои кустистые седые брови.

Три пары испуганных глаз испуганно следили за его стремительными перемещениями из-под массивного стола. Дети всего лишь затеяли очередную шалость, надеясь весело напугать дедушку, внезапно выскочив из своего укрытия. Но когда Русгир ворвался в комнату страшнее грозовой тучи, правнуки не на шутку перепугались. Сейчас маленьким гномам больше всего на свете хотелось оказаться как можно дальше отсюда.

— Нет, это немыслимо! Нужно немедленно пойти и надавать ему по шее! — распалялся старик, меряя шагами комнату.

Разъяренный ветеран метался мимо тяжелых стеллажей, заставленных свитками, картами и массивными книгами в кожаных переплетах. Сам этот кабинет, защищенный от посторонних городских шумов, был гордостью Русгира. Никто из посторонних в берлогу мастера не лез — он сам в часы досуга создавал этот кабинет лишь для себя. Пусть палаты вышли не столь помпезными и монументальными, какими их могли бы возвести профессионалы, но они были по-настоящему уютными. В качестве хобби в свободное время молодой Русгир лично украсил кабинет замысловатой геометрической резьбой. На стенах висело его собственное оружие и диковинные трофеи, напоминающие о былых походах.

Позже, подрастая, его дети и внуки также внесли свою лепту в обустройство семейного гнезда. Кто-то из сыновей аккуратно отполировал гранитные ниши для ваз и кубков. Внуки смастерили массивные резные тумбы из полупрозрачного мрамора и удобные комоды, где дед теперь бережно хранил свои инструменты. Даже на тяжелой дубовой столешнице, по которой сейчас безжалостно стучал Русгир, красовался аккуратный узор, вырезанный его старшим сыном в день получения первого ремесленного знака. Весь этот кабинет был живой летописью поколений семьи. Но сейчас ветеран не замечал привычного уюта, полностью поглощенный мыслями о недавней ссоре.

Вдруг он резко остановился. Тяжело, со свистом выдохнув, Русгир опустился на мягкую софу и глубоко задумался, уставившись в одну точку. Услышав, что дед мерно и звучно засопел, дети решили, что сердитого ветерана сморил внезапный сон, и попытались потихоньку улизнуть из кабинета. Но не тут-то было! Стоило им на цыпочках вылезти из-под стола, как они буквально оцепенели, наткнувшись на стальной, пронзительный взгляд прадедушки.

— Мы это... мы ничего! — дружно заблеяли внуки, ежась и сжимаясь под этим тяжелым взором.

Дед еще пару минут молча сверлил их глазами, а потом глубоко вздохнул и мягко поманил ребят к себе ладонью.

— Хотите сказку? — спросил он.

Ребятки дружно и часто закивали головами. Сказка однозначно была лучше, чем суровая подгорная выволочка с ремнем. Малыши мигом взобрались на софу, окружив деда. Русгир привычно раскурил трубку, пустив к геометрическим узорам свода колечко сизого дыма, и начал:

— Так вот. Далеко-далеко за Морем Рун, в землях людей, жил один король. Он был очень храбрым воином, но больше всего среди своих подданных прославился невиданным упрямством. Этот правитель всегда делал только так, как хотел сам, абсолютно не считаясь с муд-

рыми советами своих приближенных. Однажды к его трону пришел верный военачальник и встревоженно доложил: «Ваше величество, нашим южным границам угрожают враги. Нужно немедленно строить там заставы и размещать гарнизоны!» И что вы думаете? Этот упрямец заявил, что на юге живут лишь разрозненные племена землепашцев да скотоводов, которые не несут никакой угрозы. И послал строителей строить огромную крепость на запад.

Дед внезапно замолчал, устремив задумчивый взгляд на пламя лампадки. Минуты шли в полной тишине, нарушаемой лишь тихим пощелкиванием табака в трубке. В его голове все еще крутились карты застав, ресурсы и те самые упрямые слова, которые он сам совсем недавно высказывал в запале спора...

— И что же случилось дальше, деда? — наконец в один голос спросили правнуки, уставшие ждать окончания истории.

— А? Что? Ах да! — встрепенулся Русгир, возвращаясь из своих мыслей.

Дед резко заговорил быстрее, на ходу комкая, урезая и сворачивая историю:

— В общем, напали и с запада, и с юга! На западе огромная крепость, конечно, помогла, защитила с лихвой, даже с избытком, но с юга-то страна оказалась голой, чуть всё не потеряли, еле отбились только благодаря отваге народа и личной храбрости короля! А ведь если бы они вовремя сели, не орали и нормально поговорили, то поняли бы: на западе вовсе не нужна была такая махина! Там хватило бы небольшой крепостицы или просто хорошей, крепкой заставы, чтобы закрыть брешь. А все сэкономленные ресурсы, камень и людей можно было пустить на юг, построив там целую цепь небольших укреплений! При грамотном подходе они бы всё успели, и оба рубежа были бы под замком! — заторопился Русгир.

Он суетливо отложил трубку, вскочил с софы и на ходу подхватив свою тяжелую трость с железным набалдашником устремился к выходу.

— Мне нужно немедленно поговорить с нашим королем... — пробормотал старик уже себе под нос.

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась с глухим стуком. Правнуки остались сидеть на софе в полном недоумении, переводя взгляд с пустой софы на закрытую дверь, но на их лицах уже расплывались хитрые подгорные улыбки. Выволочки сегодня точно не будет и пора задумывать новую шалость.

Сказка 11. Дороги подгорного народа.

Юбилейные торжества наконец завершились. Много было выпито эля, доброго вина и чего покрепче, много славных историй рассказано под гулкими базальтовыми сводами. Как это часто бывает после больших семейных праздников, большая семья словно обновилась. За эти дни сородичи узнали друг друга с совершенно новых сторон: налюбовались на подросших и повзрослевших деток, искренне покручинились о чьих-то свежих сединах и новых морщинах, дружно порадовались достижениям и горячо посочувствовали неудачам. В жаре домашнего очага были даны важные обещания, зароки и нерушимые обязательства... но теперь пора было прощаться.

Гномы уходили выполнять свою повседневную суровую работу. Кто-то отправлялся на дальнюю заставу у южных границ — там ветерана заждался родной взвод, который без его сурового, но справедливого ока мог расслабиться и разболтаться. Кто-то другой спешил обратно в темный шахтный забой, где накануне праздников приметил одну крайне любопытную трещину в породе; пробравшись в нее, рудокоп рассчитывал наткнуться на богатую золотую жилу. Третьи и вовсе жили в других подгорных городах, поменьше, и им давно пора было держать путь домой.

На мощеном редким синим мрамором дворике у самой входной двери перед Русгиром стояли два широкоплечих коренастых гнома. Их тяжелые баулы со снаряжением уже были собраны и отправлены вперед, с основным купеческим караваном, а у ног на чистых плитах лежали лишь легкие дорожные котомки. Братья отправлялись в по-настоящему дальний и опасный путь — аж к Серым Гаваням на далеком Западе Средиземья, чтобы торговать, смотреть по сторонам и изучать чужие земли. Сейчас молодые гномы стояли, боясь даже пошевелиться, и внимательно слушали последние наставления главы своего рода.

— И смотрите мне там, не опозорьте мои седины! — негромко, но веско ронял слова Русгир, сурово глядя на внуков из-под кустистых бровей. — Крепко стойте друг за друга и за честь гномью. Попусту языками не болтайте, через меру не пейте, широко не гуляйте. Помните: ваша основная задача — узнать, как там, на Западе, свободно уживаются между собой эльфы, люди и гномы. Что у них есть интересного и что нам у них перенять можно. Бережно собирайте старые рукописи, летописи и точные карты. Помните, внуки: истинное золото — не то, что блестит в сундуках, а то, что ум возвеличивает. История, новые знания и даже древние песни да сказания — вот что должно интересовать вас больше всего. А теперь... дайте я вас обниму, и проваливайте с глаз долой!

Старик шагнул вперед и обнял каждого так, что кости захрустели, а затем резко, нарочито кряхтя, отвернулся, шагнул к краю балкона и сел в свое любимое глубокое кресло, незаметно смахнув с щеки слезу-предательницу.

Два брата, внуки Русгира, молча и с глубоким уважением поклонились ему в широкую спину. Они еще раз крепко обняли и расцеловали подбежавших на прощание жен и притихших детей, подхватили котомки и тихо удалились.

На Русгировом ярусе воцарилась глубокая, торжественная тишина, нарушаемая лишь тяжелым, прерывистым дыханием старого мастера.

Внезапно старик вздрогнул. К нему на колени мягкой кошкой залезла Анушка. Маленьким кружевным платочком она нежно вытерла слезы на его морщинистых щеках и молча, крепко обняла деда за шею.

Спустя минуту, а может пять или все десять, старик бережно оторвал ее от себя и взглянул на грустное личико внучки.

— Ну-ну, всё хорошо, маленькая, я в порядке, — ласково проворчал он, приглаживая её светлые кудряшки.

Услышав это, девочка мгновенно повеселела. К ней тут же вернулся звонкий голосок и неизменное, бьющее через край любопытство.

— Деда, а расскажи про Серые Гавани! — попросила она, поправляя свой сиреневый колпачок. — Куда ушли наши братья?

Русгир хитро прищурился, окинул взглядом притихший мраморный дворик и вдруг зычно крикнул:

— Эй, вы, шелупонь мелкая! Идите сюда сказку слушать, чертяки! Я же знаю, вы где-то рядом попрятались!

Из-за раскидистых подземных цветов в каменных клумбах, тяжелых глиняных горшков и резных кресел на балконе одна за другой появились смешные рожицы. На этот раз к закадычной троице — Рустику и Хрустику — робко пристроились четырехлетние близняшки Сьюруса и Додорус, забавно перебирая маленькими ножками.

Дождавшись, пока вся мал-мала меньше шумно расселась на ковре и мягких пуфиках у его ног, старый ветеран веско откашлялся, поправил засапожник и начал:

— Слушайте, ребята, сказ о великом городе эльфов на самом краю Дикого Запада, откуда их прекрасные белокрылые корабли уплывают за горизонт, на Священную Землю, в мир Валар и безраздельного счастья. И не говорите потом, что не слышали!

Старик раскурил трубку, и сизый дым мягко окутал перила кованого балкона.

— Далеко-далеко от наших Красных гор, там, где кончается суша и начинается бескрайнее Великое Море, в глубоком заливе стоит древний город Митлонд, который люди зовут Серыми Гаванями. Построили его эльфийские мастера еще в начале Второй Эпохи, когда мир залечивал раны после падения Моргота. Правит там владыка Кирдан Корабел — старейший и мудрейший из эльфов, чья борода длинна и серебриста, как морская пена, а в глазах отражаются звезды предвечных эпох.

— Деда, а дома там из камня, как у нас? — спросил Рустик, подперев подбородок ладонями.

— Нет, внучек, — улыбнулся Русгир. — Эльфы строят иначе. Их дома в Гаванях сотканы из белого камня, легкого дерева и прибрежного тумана. Они кажутся воздушными, словно застывшие на скалах облака. Но самое главное чудо Митлонда — это их корабли. Кирдан вырезает их из древесины священных лесов, а паруса ткет из лунного света и серебряных нитей. Эльфы — дети звезд, и море поет для них свои особые песни. Когда земной мир утомляет их, когда их сердца начинают исходить безмолвной тоской по древним дням, они приходят в Серые Гавани.

Хрустик, поправив свой багряно-красный колпачок, подался вперед:

— И они уплывают воевать?

— Нет, маленький воин, их войны в Средиземье окончены, — тихо ответил дед. — Они уплывают домой. Настоящий дом первородных — за морем, в Валиноре. Это Благословенный Край, Обитель Богов, где нет ни болезней, ни старости, ни капли Тьмы. Там вечно цветут золотые и серебряные деревья, а земля полна такого мира и счастья, какое нам, подгорным жителям, трудно даже вообразить. Корабль эльфов идет по особому, Прямому Пути. Когда он уходит из Серых Гаваней, для обычных людей он просто скрывается за линией горизонта. Но на самом деле он уходит выше — сквозь облака и зыбкое пространство, устремляясь прямиком к предвечному свету Запада.

— Деда, а там живет наш Махал? — вдруг звонко спросил Рустик, подавшись вперед.

— Молодец, соображаешь! — улыбнулся Русгир и ласково потрепал правнука за пухлую щечку. — Да, именно там. Махал, которого эльфы зовут Вала Аулэ, в тех Священных Землях разместил свои великие подгорные кузни.

Хрустик от такой новости даже подпрыгнул на пуфике, а его багряно-красный колпачок съехал на самое ухо:

— То есть там находятся те самые Чертоги Махала, куда после земных трудов собираются наши ушедшие герои?!

Старый ветеран на мгновение замешкался, пустив густую струю сизого дыма к базальтовому своду, и озадаченно почесал затылок.

— Э-э-э... Ну, я точно не знаю, внучек. Наверное, где-то там, глубоко под землями Запада, — Русгир с уважением и легким удивлением посмотрел на мальчишку. — Ух ты, какой пронырливый! Такие сложные и интересные вопросы задаешь, на которые даже у старых летописцев Локов нет прямого ответа. Одно скажу точно: Махал ждет там каждого честного мастера.

Маленькие Сью и Додо завороженно смотрели на дедушку, разинув рты и забыв про свои игрушки.

— Вот туда, в сторону этих Серых Гаваней, и держат сейчас путь ваши дядья, — Русгир ласково прижал к себе Анушку. — Они идут посмотреть, как разные народы могут жить в мире, и привезти нам знания великих мастеров Запада.

Старик уже собирался по привычке отправить малу-малу по комнатам, как вдруг тяжелая дубовая дверь палат отворилась. На мощеный синим мрамором дворик, приветливо улыбаясь, вышла строгая, но бесконечно заботливая бабушка Муруся. Следом за ней шли невестки, искусно балансируя широкими подносами.

На Русгировом ярусе мгновенно воцарился аромат праздника. Женщины принесли целые горы подгорных сладостей: запеченные в меду лесные орехи, пышные коржики с ягодной помадкой и кувшины со сладким ягодным взваром. Одна из невесток бережно подвесила на специальный крюк над коваными перилами мягко светившийся шар-лампадку.

Увидев такое богатство, детвора восторженно взвизгнула, подчистую забыв про грусть. На Русгировом ярусе начался веселый, шумный и сладкий пир. Набив рты медовыми орехами, Рустик и Хрустик принялись изображать эльфийских матросов, а Анушка, подхватив лавандовый сарафан, принялась кружиться в забавном танце под воображаемую музыку Далекого Запада. Четырехлетние близняшки Сью и Додо, отчаянно подражая старшей сестре, тоже повскакивали со своих пуфиков. Пухлые, неуклюжие малыши то и дело спотыкались о края коврика, смешно шлепались на мраморные плиты, но тут же с заливистым смехом поднимались и упрямо продолжали топтаться, стараясь не отставать.

Русгир, Муруся сидящие в глубоких креслах и притихшие невестки, стоящие у перил, завороженно смотрели на этот детский кавардак. В мягком, теплом свете подвесного фонаря тревога за ушедший караван, еще недавно давившая на сердца взрослых, начала постепенно таять. Разглядывая эти счастливые, чумазые от меда мордашки в разноцветных колпачках, старый ветеран и женщины рода наконец успокоились. Мужья и сыновья ушли далеко за Море Рун, но здесь, в надежном базальтовом сердце Девятого чертога, жизнь продолжалась, звенела детским смехом и прочно держалась корнями за родной очаг Русов.

Сказка 12. Встреча двух народов.

Сегодня весь город буквально кипел в возбуждении. С дальних рубежей, у самых предгорных отрогов Красных гор, стража заметила приближающуюся делегацию эльфов. Да-да, тех самых эльфов, чье высокомерие и заносчивость гномы так сильно не любили. Впрочем, это было взаимно. Первородные издавна недолюбливали подгорный народ за их скрытность, золотую алчность и суровую деловую хватку, которую ошибочно принимали за хитрость и даже подлость.

При всём этом эльф для гнома всегда оставался существом таинственным, воздушным и прекрасным, а гном для эльфа — выносливым воином, великолепным мастером-ремесленником и непревзойденным зодчим. Несмотря на вековую взаимную неприязнь, они глубоко ценили и уважали роль и предназначение друг друга в судьбе Арды. И вот, как только королевские вороны передали в столицу их просьбу о встрече, король Руссафир немедленно дал разрешение. Пока эльфийские послы почти два дня добирались по горным перевалам до Главных Врат, Тумун-Аглан не находил себе места.

Король собрал экстренное совещание. Он долго и терпеливо слушал напыщенные речи совета мастеров, понимающе кивал на бурные идеи и предложения придворных, а затем... тихо ушел на совет тайных. Всех тех, кто был его настоящими руками, исполнителями его воли и преданными друзьями, к чьим мыслям он реально прислушивался. В общем, дед Русгир полностью исчез из поля зрения малышни на весь день.

Лишь поздно вечером он вернулся в палаты, с трудом волоча ноги. Старик говорил тихим, совсем осипшим голосом и на все расспросы лишь устало отмахивался короткими рублеными фразами:

— Не сейчас. Потом. Я очень устал.

Ах, как Анушке хотелось прямо сейчас расспросить дедушку об эльфах! Как Рустику и Хрустику хотелось взглянуть на них хоть одним глазком! Но бабушка Муруся была непреклонна. Она грудью встала на защиту покоя утомленного мужа и не пускала к нему в кабинет никого. Расстроенная детвора уныло разбрелась по своим кроватям и спустя несколько минут позасыпала.

Каков же был их восторг, когда утром им торжественно выдали новые парадные камзолы и прочные ремни с тяжелыми серебряными пряжками! А Анушку матушки так вообще нарядили настоящей принцессой. Родители строго объявили, что сегодня вся семья будет сопровождать деда и сможет присутствовать на тайных галереях тронного зала, чтобы своими глазами увидеть и услышать эльфов. Но детей строго-настрого предупредили: одна шалость, один посторонний звук — и они мигом очутятся в детской комнате под замком.

Что и говорить, такой послушной и молчаливой всю троицу еще никто, и никогда не видел. Вот насколько им было интересно! Все утро они сидели смирно на стульчиках, боясь лишний раз моргнуть, и без единого каприза съели весь завтрак, включая даже противную вареную репу.

И вот час торжественного приема настал. Они вышли из палат в окружении многочисленной родни, возглавляемой дедом. Русгир сегодня был одет так пышно и богато, что от обилия золота, нашитого на тяжелый бархат, и сверкающих драгоценных камней у детей просто рябило в глазах.

У парадного входа в огромный тронный зал они разделились. Дед со старшими сыновьями величаво пошел прямо, а все остальные поднялись по скрытым лестницам на верхние галереи. Семья заняла свои места по левую сторону от трона. От чужого взора их надежно защищали толстые стекла, раскрашенные специальной техникой подгорных мастеров и искусно замаскированные под общий антураж зала.

В самом зале была тьма-тьмущая гномов! Дети даже и не знали, что в их городе живет столько народу. Все до единого были нарядные: либо в тяжелых камзолах из редких драгоценных тканей, либо в зеркально начищенных парадных доспехах. На их фоне даже их расфуфыренный дед выглядел как-то невзрачно. Он спокойно занял свое почетное место чуть позади королевского трона, и все присутствующие замерли в ожидании.

Прошло не меньше получаса, когда под гулкими сводами зала звучно затрепетали и загудели литавры. Зычный глашатай громогласно объявил о прибытии эльфов.

В тронный зал вошли... нет, бесшумно вплыли три прекрасные, высокие фигуры — двое мужчин и женщина. Их одежды струились, точно горные ручьи, а движения были исполнены неземной грации. Они плавно дошли до середины зала и отвесили в разные стороны три неглубоких, но преисполненных достоинства поклона.

Изначально предвзято настроенные, хмурые гномы одобрительно и гулко загудели — им очень понравилось, что гордые эльфы первыми отдали им дань уважения. В ответ по залу прокатился громоподобный шорох: кулаки каждого присутствующего гнома в едином порыве почтительно ударили по грудным панцирям, а бородатые головы, словно маятники, синхронно наклонились и тут же поднялись.

Спустя ровно пять минут опять победно запели литавры — явился государь Железноруких. Король Руссафир шел монументально и величественно. На нем была парадная одежда, невероятно богато расшитая золотом, серебром и редкими самоцветами. На широкой груди блистала разноцветными огнями массивная золотая гривна. На голове покоилась корона — с виду простая и невзрачная, но сделанная из чистейшего, драгоценного мифрила, а прямо во лбу её горел огромный, слепящий алмаз. Его посох из белого ясеня был увенчан гигантским рубином и обсыпан россыпью изумрудов, а длиннющая горностаевая мантия царственно волочилась по полу, бережно собирая несуществующую пыль с безупречно чистых плит. Как только король сел на трон, эльфы поклонились ему еще раз, теперь гораздо более глубоко и почтительно.

Вперед выступил предводитель делегации. Его голос зазвучал под сводами, словно серебряный колокольчик, витиевато и плавно:

— Приветствуем тебя, о мудрый и могучий король Руссафир, владыка сверкающих чертогов Тумун-Аглана! Мы принесли тебе искренний поклон от нашего народа, живущего под сенью лесов. Твоя слава как великого правителя и непревзойденного мастера камня достигла наших пределов, и мы благодарим тебя за великую честь быть принятыми под твоими надежными сводами. Время Третьей Эпохи становится неспокойным, Тьма шевелится на Западе, и дороги между нашими землями требуют силы и бдительности. Наш караван везет ценные товары, древние свитки и редкие семена, и мы смиренно просим твоего высочайшего дозволения на безопасный проход через древние владения гномов, а также защиты твоих доблестных воинов на южных отрогах Красных гор. Да не угаснет пламя в твоих великих кузнях, и да пребудет мир между нашими домами, пока стоят эти скалы.

Король Руссафир величественно встал со своего мифрилового трона, оперся на ясеневый посох и веско сказал в ответ:

— Благодарю вас, благородные эльфы, за этот визит и добрые слова. Клан Железноруких помнит древние заветы и уважает ваше предназначение в Арде. Мы скрупулёзно рассмотрим вашу просьбу о караванном тракте в самое ближайшее время. А пока — будьте нашими желанными гостями. Располагайтесь в лучших гостевых палатах, ешьте, пейте, свободно гуляйте по нашим торговым рядам. Клянусь честью Азагхарат: ни один волос не упадет с вас и ваших сопровождающих, пока вы находитесь под защитой гномов Орокарни.

— Благодарю тебя, о мудрый король, за твое поистине царское гостеприимство, — вновь поклонился посол. — Мы с искренней радостью им воспользуемся. Нам давно хотелось воочию узреть легендарное величие дома клана Железноруких.

И эта учтивая отповедь очень понравилась подгорным жителям. Под их громовой, одобрительный и гулкий гул прекрасные эльфы плавно удалились из зала.

И вдруг завороженной, прильнувшей к стеклу Анушке показалось, что прекрасная девушка-эльфийка, разворачиваясь у самого выхода, внезапно устремила свой взор вверх. Она взглянула маленькой гномке прямо в душу сквозь замаскированный витраж и, мягко улыбнувшись одними лишь искристыми глазами, повернулась и пошла вслед за своими спутниками.

А вечером... Поздно-поздно вечером, когда уставший дедушка Русгир наконец вернулся в палаты, он тихонько присел на край кровати Анушки. Старик ласково улыбнулся в усы и аккуратно прицепил к старинному гобелену над её подушкой маленькую, невероятно красивую и блестящую серебряную заколку в виде эльфийской звезды. Эту вещицу гостья тайно передала ветерану на совете — специально для «его маленькой сиренеглазой любимицы».

Сказка 13. Встреча двух народов (Продолжение).

— АААААААА!!!!! — восторженный, пронзительный девчоночий вопль оглушительным эхом прокатился по комнатам. Если этот крик не разбудил весь Девятый чертог, то жилой Русгиров ярус вздрогнул до самого последнего базальтового уступа так уж точно.

Старый гном, работавший в своем кабинете до самого утра и лишь полчаса назад задремавший в глубоком кресле, мгновенно встрепенулся. Из его седой бороды вылетело облачко табачного пепла, но ветеран лишь понимающе усмехнулся в усы. Похоже, Анушка проснулась и нашла подарок.

И точно! Спустя секунду в комнату ураганом внеслась шестилетняя внучка. Подпрыгивая от бьющего через край нетерпения, она прямо в лицо протянула деду сияющую серебряную звездочку.

— Деда, деда! Смотри, что я нашла! Ой, мне снился такой волшебный, такой красивый сон! Будто я танцевала на огромном балу с прекрасными эльфами и принцессами, и эльфийская девушка — ну та самая, что вчера приходила к нашему королю, — подарила мне эту заколочку! А когда я открыла глаза, то увидела её прямо у себя над головой! Это же надо такому случиться! Я так рада, так счастлива, мне прямо хочется петь и танцевать!

Она тут же закружилась на мозаичном полу кабинета, напевая на ходу веселую, быструю мелодию и выделывая ногами па, которые, по её собственному мнению, были верхом изящества. Русгир долго пытался сохранить суровый ветеранский вид, но не выдержал и раскатисто рассмеялся.

На шум в дверях заглянула озабоченная бабушка Муруся. Увидев в руках внучки чужеродное эльфийское серебро, она хмуро и требовательно взглянула на мужа.

— Не волнуйся, дорогая, — поспешил успокоить её Русгир, поднимая ладони. — Мы с вчера несколько раз проверили эту вещицу. В ней нет никакой порчи, ни скрытых чар, ни злого волшебства. Она абсолютно чистая. Её даже изготавливали без капли магии — старыми добрыми, надежными инструментами. Да что и говорить, её даже рунный палантир пропустил, а его, между прочим, ещё древние алхимики Макхи собирали.

Успокоенная женщина понимающе кивнула и ушла на кухню готовить завтрак.

В это время в просторный кабинет один за другим стали заходить привлеченные шумом заспанные домочадцы: невестки, сыновья, внуки и конечно же правнуки. Анушка с гордостью показывала каждому свое сокровище, но строго-настрого предупреждала, не выпуская звездочку из пальцев: «Только смотрите из моих рук! Руками не трогать, а то сломаете!» Все взрослые уважительно цокали языками, разглядывая тонкую работу.

Четырехлетняя Сью, увидев такую красоту, тут же обиженно надула губки — ей тоже до слез захотелось блестящую штучку. Но Анушка молнией метнулась в свою спаленку, притащила из шкатулочки другую заколку, попроще но тоже очень милую, и царственным жестом подарила её двоюродной сестре. Обиды как не бывало — Сью счастливо засияла.

Наконец, утомившись скакать и плясать, Анушка забралась на софу, умостилась поудобнее и спросила, преданно глядя на деда:

— Деда, а кто такие вообще эти эльфы? И почему их называют перворожденными?

— О, кхм, ну... Давайте расскажу, пока завтрак готовится, — проворчал старик, с удовольствием набивая трубку.

Все домочадцы тут же устроились поудобнее: кто опустился на софу рядом с детьми, кто занял мягкие пуфики, а сыновья просто подперли плечами резные косяки стен, приготовившись слушать.

— Так вот, — дед строго посмотрел на внуков. — Технически они вовсе не перворожденные. Первыми наш Создатель Махал сотворил себе в помощь семерых прародителей гно-

мов. Но жизнь в них вдохнул Эру Илуватар только при одном жестком условии: пробудиться они должны строго после его собственных детей — эльфов. И наши великие пращуры веками спали в своих тайных пещерах в глубокой подгорной тьме, покорно ожидая этого заветного часа.

— А как же родились эльфы? — нетерпеливо подскакивала на софе Анушка, теребя сарафан.

— Итак, — Русгир выпустил к потолку первое колечко дыма. — Давным-давно, когда мир еще не знал ни солнца, ни луны, а над землей горели лишь первозданные звезды, далеко-далече на Востоке раскинулось огромное, тихое озеро. Именовалось оно Куивиэнен, что на эльфийском наречии означает «Воды Пробуждения». Именно там, сотворенные из чистейшего звездного света и дивной песни самого Эру Илуватара, появились эльфы. Они открыли глаза, и первое, что они увидели в своей жизни — это предвечное сияние звезд на черном небосводе. С тех самых пор больше всего на свете этот народ любит звездный свет. Особенно Утреннюю звезду — как раз её острая, лучистая форма и изображена на твоей заколке, Анушка.

Дед затянулся, и огонек в трубке мягко озарил его морщины.

— Рождались они в глубокой тайне от Валар, в тишине первозданного мира. Эльфы не знали тогда ни тяжелых тканей, ни кузнечного огня, ни хитрых музыкальных инструментов, которые изобрели позже. Они бродили по берегам Вод Пробуждения совершенно нагими, чистыми и безмятежными, словно малые дети. Им не нужны были палаты, доспехи или золото. Им было несказанно хорошо от одного лишь факта, что они существуют, дышат и видят этот мир. Эльфы брались за руки, водили огромные хороводы под вековыми деревьями, и их собственные голоса были первыми песнями, которые услышало Средиземье. Их танцы были легкими, как порывы ветра, а смех — звонким, как брызги озерной воды. Они радовались звездам и воспевали их до тех пор, пока их не нашел Оромэ Охотник.

— Ой, какая красивая, какая дивная легенда! — мечтательно вздохнула Анушка, подперев кулачком щеку. — Как бы я тоже хотела быть эльфийкой...

Услышав эти слова, старый Русгир внезапно осекся. Добрая улыбка мгновенно сползла с его лица, а глаза потемнели.

— Хотя нет! — вдруг продолжила беззаботная девочка, забавно сморщив носик. — Это что же получается? Скакать совсем голой в кромешной темноте? Фу! Спать на сырой, мокрой траве у озера? Брр, холодно же! А вокруг еще этот огромный, страшный черный лес. К тому же наши предки были созданы раньше, значит мы первые! Нет уж! Лучше быть гномой! Жить в нашей теплой, сухой и безопасной пещере, носить красивое лавандовое платье и кушать мамины пироги. А потанцевать я и здесь могу!

Она соскочила с софы и вновь пустилась в свой стремительный пляс, смешно топая башмачками по мрамору.

Лицо деда Русгира мгновенно разгладилось. Тяжелая штормовая тень ушла из его взгляда. Он снова весело улыбнулся в усы и принялся громко, в такт хлопать в ладоши, аккомпанируя быстрому и очень красивому танцу своей маленькой подгорной принцессы.

Сказка 14. Полет орла и сила раскаяния.

Весенняя ярмарка! Какой прекрасный и долгожданный день: занятия в школе окончены, впереди длинные каникулы. Багряный колпачок Хрустика мелькает то в рядах со сластями, то с игрушками; он проносится на каруселях, а затем появляется в тире. Он, конечно же, не один. Все школяры высыпали из раскрытых дверей школы на обретенную свободу от занятий и уроков. Там и сям мелькали синие, желтые, бирюзовые, серебристые, пунцовые колпачки, слышался детский смех и радостные визги.

Хрустик с ватагой одноклассников уже успел обежать всю ярмарку, покататься на всех каруселях (на некоторых даже по два раза), наесться пирогов да пышек, обпиться киселем и ягодной водой, пострелять из стреломета в тире и покататься на лодочке. Вроде везде успели, но хотелось чего-то еще. И они затеяли… шалость.

Вообще, у Хрустика с шалостями не заржавеет. Частенько от них страдали и одноклассники, и родня, и даже взрослые. Ну что поделать — слишком много у гномика энергии! Сам маленький, а энергии — как у элефанта, а фантазии… фантазии — как у Хрустика. Оттого и страдал: то в углу стоял, то краснющее, накрученное ухо холодной водой отмачивал, то без сладкого оставался. И вот теперь он мучительно придумывал, чтобы такого натворить, но так, чтобы не очень сильно за это пострадать.

Друзья терпеливо ждали. Они знали: Хрустик непременно придумает что-то такое, отчего всем будет очень весело. И он придумал.

Они стащили рупор у распорядителя ярмарки, длинную веревку и несколько фонарей, а затем забрались на самый верхний ярус чертога. Там обмотали переодетого «птицей» Хрустика веревкой, и он, стоя в перекрестье лучей, закричал:

— Внимание, внимание, достопочтенные гномы! Вашему вниманию представляется смертельный номер — полет орла Гваихира!

Его голос, усиленный рупором, отразился от циклопического свода чертога и накрыл ярмарку громоподобным эхом. Все подгорные жители задрали головы.

Немного испуганный Хрустик решил было отказаться от затеи, но, оглянувшись на притихших друзей, понял: отступать нельзя, засмеют. И он сделал решительный шаг в бездну... и в то же мгновение услышал сзади отчаянный вопль:

— Веревка-а-а!

В его голове вспыхнула запоздалая, леденящая мысль: веревку-то они к кольцу балкона привязать забыли!

«Ну все, — почему-то совершенно спокойно подумалось ему. — Конец пришел маленькому гному». Почему-то до безумия стало жалко папу и маму, которые будут рыдать над его изувеченным телом; дедушку Русгира, который наверняка запрется у себя в кабинете и не будет выходить неделю; бабушку Мурусю, у которой вся стряпня будет пересолена от горьких слез... Себя почему-то жалко не было. Даже думалось: «Поделом мне, дураку такому! Тоже мне выдумал — на веревках летать...»

А потом наступила темнота.

Открыв плотно зажмуренные глаза, Хрустик увидел перед самым носом, на расстоянии вытянутой руки, пол — и тут же на него шлёпнулся. Сначала он лежал не шевелясь, потом осторожно попробовал подвигать руками и ногами. Гномик уже было обрадовался, что цел, как вдруг нестерпимо заболело выкрученное ухо.

— А-а-а-а! — взвился он стрелой и подскочил на носочки.

— Ах ты ж негодяй! — донеслось до него. — Ишь чего удумал, разбойник! Перепугал всех! А если бы разбился, что бы было? Ты о родителях подумал?!

— Да! — заверещал Хрустик. — Именно о них я и подумал!

— Да он издевается! — воскликнул хозяин тира, крепко держащий его за ухо. — А ну, пошли к деду!

— Не-е-ет! — закричал Хрустик, извиваясь. — Только не к деду!

— К деду, к деду! — не унимался взрослый гном. — Он тебя быстро научит летать! Будешь потом идти и подпрыгивать, и спать только на животе сможешь!

Пока Хрустика волокли через ярмарочную площадь домой, он успел узнать, что случилось. Оказалось, друзья — вот уж настоящие друзья, истинные гномы! — в самый последний момент успели мертвой хваткой ухватить уходящую веревку. Всей гурьбой они удержали его от смертельного падения. Подоспевшие взрослые гномы быстро перехватили из ослабевших детских рук конец веревки и аккуратно опустили летуна на дно чертога. Правда, длины веревки до самого низа немного не хватило, и в конце его просто сбросили на пол, но уже с абсолютно безопасной высоты.

Когда гудящая, возмущенная толпа доставила шалуна пред ясны очи деда и наперебой рассказала о происшествии, Русгир выслушал всех с каменным лицом. Он поблагодарил собравшихся, передал слова глубокой признательности маленьким спасителям и сухо попросил всех удалиться.

Когда тяжелая дубовая дверь закрылась, Хрустик сжался в комок. Его попа уже заранее заныла, предчувствуя жесткий армейский ремень, лицо горело от стыда, а сердце колотилось в груди как бешеное.

Дед медленно сел за свой массивный письменный стол, обхватил седую голову руками и долго, мучительно молчал. А потом глухо, не поднимая взгляда, произнес:

— Иди спать.

И тут Хрустика прорвало.

— Деда! Дедушка! — закричал он, заливаясь слезами. — Накажи меня! Выдери так, чтоб я сидеть не мог! Уши мне открути! Но только не молчи, ну пожалуйста! Ну, дедушка, ну накричи хоть, отругай меня, я не могу так!..

— Уходи, — еще глуше, как гранитная статуя, повторил дед.

Заплаканный, подавленный и глубоко несчастный Хрустик поплелся в детскую. У самого выхода из кабинета он еще раз обернулся и взглянул на деда с отчаянной надеждой. Но великий мастер сидел неподвижно, словно каменное изваяние.

А на следующий день дед заболел. Тяжело, страшно заболел. Приходивший лекарь хмурился, качал головой и шепотом говорил родителям, что черная тьма поселилась в измученном сердце старого ветерана. Хрустику никто ничего не объяснял, но он чувствовал, он точно знал: дедушка умирает из-за него.

Целую неделю маленький гном ходил сам не свой, съедаемый изнутри горьким горем. Он потерял всю свою былую веселость и задор. Глаза Хрустика погасли, а улыбка окончательно исчезла с лица. Он приобрел горькую привычку целыми днями сидеть на подвесном мосту через грохочущий горный поток, отделяющий Девятый чертог от Восьмого. Там, среди яростного шума воды и холодных брызг, никто не мог увидеть и услышать его плача.

Там-то и нашла его Анушка. Она тихонько села рядом на деревянный настил и нежно погладила родного братика по спине. Тот резко передёрнул плечами, пытаясь отстраниться, но сестра не унималась. Наконец он отнял ладони от заплаканного лица и злобно, срываясь на хрип, спросил:

— Чего тебе?

Анушка вздрогнула от непривычной резкости, но всё равно продолжила, заглядывая ему в глаза:

— Братец, нужно что-то делать... Ведь дедушка может умереть.

— Да что я могу сделать?! Я такой остолоп! — вскричал он, отчаянно кусая губы в попытке остановить рвущиеся наружу слёзы. — Я ведь не хотел... Клянусь Махалом, не хотел я такого!

— Ну конечно не хотел, — мягко согласилась она, прижимаясь к его плечу.

Они посидели в тишине ещё немного. Под мерный рокот реки Хрустик начал постепенно успокаиваться.

— Знаешь, — вдруг тихо сказала Анушка, — мне кажется, дедушка просто очень сильно за тебя испугался. Ведь он так крепко тебя любит! Может, если ты как-то по-настоящему покажешь, что тоже его сильно любишь, он простит тебя и сразу выздоровеет?

Хрустик недоверчиво посмотрел на сестру. Нахмуренное лицо мальчика разгладилось, а в глубине погасших глаз впервые за неделю мелькнула робкая надежда.

— Спасибо тебе! — Хрустик звонко чмокнул сестрёнку в щёку и стрелой убежал в сторону жилого яруса.

Через час он уже робко стоял на пороге кабинета деда. Великий мастер лежал на софе, его грудь тяжело и прерывисто вздымалась. На столике у изголовья остывал тёмный целебный отвар, а рядом слабо теплилась тонкая восковая свеча, испещренная рунами отгоняющими демонов Тьмы.

— Деда... — робко позвал Хрустик, переступая с ноги на ногу.

Старик не пошевелился.

— Дедушка, прости меня, пожалуйста... Я всё-всё осознал. Я больше никогда не буду, честное слово!

В ответ не раздалось ни звука. Сердце Хрустика сжалось от леденящего страха. Он подошёл ближе, почти вплотную к софе.

— Вот. Возьми.

Маленькими, дрожащими пальцами он сунул в безжизненно сложенные руки деда крошечный стеклянный фиал с прозрачной жидкостью.

— В этом флаконе мои слёзы... Я собирал их в знак того, как сильно я раскаялся. Дедушка, пожалуйста, не умирай! Если ты уйдёшь, мои слёзы переполнят самый большой в мире котёл, и я просто утону в них, чтобы поскорее встретиться с тобой в Чертогах Махала...

Договорить он не смог. Мальчик опять горько разрыдался, обессиленно уткнувшись лицом в дедов мягкий, тёплый живот.

И вдруг... Вдруг Хрустик почувствовал, как старый ветеран глубоко, со свистом вздохнул. Тяжёлая, мозолистая, но такая родная и крепкая рука мастера шевельнулась и бережно приобняла внука за вздрагивающие плечи.

Сквозь пелену горячих слёз Хрустик посмотрел на уставшее лицо прадедушки и, встретив его потеплевший, искристо-синий взгляд, окончательно понял: теперь всё обязательно будет хорошо.

Сказка 15. Подгорный набат и древняя порча.

Бам! Бам! Бам! — тяжелые, громовые звуки набатов разносились по всем, даже самым дальним закуткам столицы.

— Орки, орки... — послышался испуганный многоголосый шепот в переходах, как только колокола затихли.

Матери без лишних разговоров и суеты стали загонять ничего не понимающих детишек по домам. Суровые подгорные мужчины — от молодых воинов, только-только получивших свои первые боевые топоры, до умудренных седых старцев — поспешно натягивали кольчуги, застегивали латы и, бережно сняв верное оружие со стен, покидали палаты, направляясь к точкам сбора.

Русгировские правнуки тоже были немедленно загнаны в детскую. Наспех попрощавшись с уходящими мужчинами, женщины наглухо заперли тяжелые дубовые двери и, вооружившись длинными ножами, расположились в комнате рядом с малышами. Испуганные дети сидели с дикими от страха глазами на кроватях и хранили гробовое молчание.

Они, по малолетству своему, еще не знали, что главная проблема нашествия орков крылась вовсе не в их огромных полчищах. Полчища-то, ослепленные яростью и лютой ненавистью к гномам, раз за разом глупо бились волна за волной о нерушимые стальные шеренги Кхазад и в конце концов оставались гнить у их ног.

Настоящая беда заключалась в том, что вместе с орочьими армиями шли их мелкие и хитрые родичи — пещерные гоблины. Эти твари расползались по горам как смертоносная зараза. Они просачивались в мельчайшие тектонические щели, затаивались в самых темных, заброшенных штреках древних выработок и без устали грызли скалы, изрезая гранит своими потайными норами. Гоблины могли отыскать малейшую вентиляционную отдушину и через нее незаметно провести отряды воинов в самый центр беззащитного города. Оравы орков гномы, конечно же, отобьют — им не в первой. А вот вычищать потом эту мелкую заразу придется очень долго и кропотливо. Пропустишь хотя бы одну тайную нору — и через год всё начнется сначала.

Сама детская комната располагалась в самой глубине палат, существенно дальше от входных дверей и шума яруса. Сюда, в толщу векового гранита, свежий воздух исправно поступал по сложной, глубокой системе вентиляционных каналов. Здесь приятно пахло лавандовым мылом и сушеными горными травами. Обычно в комнате царил веселый кавардак: на невысоких комодах валялись игрушки, на полках теснились школьные свитки и грифельные дощечки мальчишек, детские столики были завалены альбомами и карандашами, а у стен выстроились простые, прочные детские кроватки из горной сосны. Комнату освещали милые лампы-шарики с живыми пещерными светлячками внутри.

По центру комнаты, прямо напротив двери, на низком табурете сидела Муруся. Малыши привыкли видеть бабушку хлопочущей у печи или строго проверяющей чистоту их рук перед ужином, но сейчас перед ними сидела истинная матриарх королевского рода. На её плечах покоилась тяжелая шаль из темно-синей шерсти, скрепленная серебряной фибулой. Седые, серебряные волосы были туго заплетены в сложные косы и уложены венцом вокруг головы. Лицо Муруси, изрезанное тонкими морщинами долгих лет, казалось высеченным из светлого мрамора — настолько оно было спокойным и сосредоточенным. Её карие глаза, обычно бдительные и строгие, сейчас смотрели перед собой с холодной, непоколебимой решимостью. На её широких коленях, поверх передника, ровно лежал длинный нож с костяной рукоятью, ослепительно блестевший в полумраке. Вся её приземистая, крепкая фигура излучала такую уверенность и силу, что под её защитой палаты казались надежнее любого бастиона.

— Бабушка... — едва слышно прошептала Анушка, нарушив гнетущую тишину.

— Тсс! — резко осекла ее Муруся, напряженно прислушиваясь к мерным, тяжелым шагам патрулей стражи, обходящих балконы яруса.

— Ну, бабушка... — жалобно заныла девочка.

— Ну что тебе? — вздохнула Муруся, неохотно отвлекаясь от созерцания запертой двери.

— Нам страшно.

— Всем страшно, маленькая, — тихо ответила старушка.

— И тебе? — искренне удивился Рустик, подавшись вперед.

— И мне, — честно призналась она.

Все на какое-то время притихли, переваривая услышанное. Каждый думал о своем, но тишина давила на плечи не хуже самой горы.

— А кто такие орки? — вдруг подал голос Хрустик.

Матушка Рустика умоляюще посмотрела на главу женской половины дома:

— Мам, расскажи им, а то ведь не отстанут. Да и нам всем поспокойнее будет, а то тишина уши режет и нервы трепещет.

Муруся обвела взглядом притихших детей и кивнула:

— Ладно, слушайте и помните, ибо эту правду должен знать каждый подгорный житель...

Давным-давно, в Первую Эпоху, когда мир ещё не знал ни ласкового солнца, ни серебряной луны, а над землей горели лишь первозданные звезды, в глубокой, леденящей темноте Севера зародилось великое Зло. Имя ему было Мелькор, но эльфы нарекли его Морготом — Черным Врагом Мира. Он люто ненавидел всё живое, чистое и прекрасное, что сотворил Всеотец Единый, но больше всего его темную душу жгла бесплодная зависть. Сам Мелькор не мог создать ничего своего, в чём теплилась бы искра настоящей, доброй жизни. И тогда он решился на самое жуткое святотатство в истории Арды.

Своими холодными, цепкими когтями Мелькор стал вылавливать эльфов, бродивших у Вод Пробуждения. Он утаскивал беззащитных Перворожденных в глубокие, зловонные подземелья своей цитадели Утумно. Там, в непроглядной тьме, под пытками и ударами тяжелых бичей, он веками подвергал их ужасным чарам, оскверняя самую их суть. Мелькор медленно, шаг за шагом, выжигал из их душ благородный звездный свет, заменяя его слепой, животной яростью и неутолимой злобой. Он безжалостно калечил их тела и вытягивал лица, превращая прекрасных детей звезд в уродливых, клыкастых чудовищ, которые не выносили дневного света.

Так, из зависти и чистой порчи, родилось племя орков. Они — это живое, искажённое эхо эльфийского народа, раса, созданная в насмешку над всем сущим. Они рабы своей злобы, ненавидящие весь мир, своего создателя-чернокнижника и больше всего на свете — самих себя. А их мелкие родичи, гоблины, приспособились жить как паразиты в самом сердце камня, став вечным проклятием для наших кузниц.

— Вот почему они так люто ненавидят нас, Кхазад, — подала со своего места голос матушка Рустика, крепче сжимая рукоять кинжала. — Мы — законные дети Махала, в чьих жилах горит чистое, праведное пламя Неугасимого Огня. Наша природа — созидать, строить и беречь вечную красоту, а их черная суть — лишь крушить, осквернять и грызть гранит от бессильной, ядовитой зависти.

В детской снова воцарилась тишина. Анушка плакала, жалея прекрасных эльфов, близнецы плакали, потому что просто хотелось плакать, но только в глазах Хрустика и Рустика вместо первобытного испуга разгоралось суровое, истинно гномье упрямство.

Вскоре по ярусам Тумун-Аглана разнесся голос глашатаев: в городе ввели жесткий комендантский час. Детворе отныне было строго-настрого запрещено высовывать нос наружу, а женщинам дозволялось покидать палаты только по крайней, неотложной необходимости. Все понимали: отцы и старшие братья вернутся домой нескоро — в лучшем случае через четыре-пять дней, а то и через неделю, пока бой у предгорий не завершится. В самой столице остался

лишь гарнизон да усиленные патрули. Напряжение росло, женщины испуганно прислушивались к каждому вздоху вентканалов.

Вдруг со стороны прихожей раздался уверенный, тяжелый стук кулака в дубовую дверь палат. Женщины мгновенно вскинули ножи, поджав губы.

— Кто там? — громко и требовательно спросила матушка Рустика, выйдя к входной двери.

— Свои, открывайте, — глухо донеслось из-за двери.

Засовы со скрипом отодвинули, и в палаты вошел дед Русгир. Женщины тут же задвинули засовы обратно и наперебой набросились на него с тревожными расспросами. Как старший уважаемый ветеран, он не ушел к предгорьям, а остался в столице помогать руководить силами внутренней обороны и патрулями. Он был одет в свои любимые доспехи, из-за спины торчала старая, надежная секира, у пояса болтался длинный нож.

Успокоив женщин короткими сводками, старик прошел вглубь конуса палат и заглянул в детскую. Он молча и устало опустился на край ближайшей кроватки. Ласково потрепал подбежавшую Анушку по светлым кудряшкам и подмигнул притихшим мальчишкам.

— Испугались? — хрипло и тихо спросил Русгир, раскуривая свою верную трубку и пуская к потолку колечко сизого дыма. — Не бойтесь. Орки сильны, но мы сильнее, в честном бою гном стоит десятерых орков. Их сила заключается в подлом нападении из-за спины, отравленной стреле из темноты зловонной норы и в диком, просто невероятном по своей скорости размножении.

Дед затянулся, и огонек в трубке мягко озарил его изрезанное морщинами лицо.

— А у гнома — воля своя, железная, Махалом в граните закаленная. Гном в строю стоит не потому, что его сзади бичом погоняют, а потому, что за его спиной — вот эта самая теплая комната, альбомы с карандашами, плачущая сестренка и мамины пироги. Наша броня крепка не от толщины стали, а оттого, что мы точно знаем, ради чего её надели. Гоблины могут грызть наши скалы и искать щели, орки могут выть у предгорий, но пока в недрах Тумун-Аглана горит праведный огонь Кхазад и бьется наше упрямое сердце — эта гора никогда не станет их домом. Поняли меня, будущие мастера?

Рустик и Хрустик синхронно, с гордостью кивнули деду, окончательно растеряв остатки детского испуга. На Русгировом ярусе начиналась долгая, тревожная неделя осады, но теперь под защитой великого мастера и ветерана семья Русов спала спокойно.

Сказка 16. Черное пятно позора.

Сегодня Рустик пришел домой хмурым и сердитым. На все вопросы он отвечал невнятным бурчанием или просто молчал. Сколько ни бились над ним сначала мать, а затем и бабушка Муруся — мальчик упрямо держал рот на замке, а к угрозам наказания отнесся совершенно равнодушно. Вскоре такое поведение дошло и до главы семейства. Дед Русгир вызвал ребенка к себе в рабочий кабинет и… встретился с упертым взглядом исподлобья, который ясно говорил: «Делайте со мной всё, что хотите, я ничего не скажу».

Русгир за свою долгую жизнь уже встречался с такими взглядами, причем гораздо чаще, чем ему самому хотелось бы. Поэтому старый ветеран не стал давить, а зашел издалека:

— Как дела?

— Нормально, — буркнул Рустик.

— Что в школе?

— Тоже нормально.

— Что с настроением?

— Ничего.

— С кем поссорился?

Пауза затянулась.

— Ни с кем.

«Ага, — понял дед. — Вот он, кончик ниточки. Дальше будет проще».

— Как поживает Слокир, директор ваш?

— Нормально.

— А батя твой, Крусар — не заболел?

— Нет, — Рустик слегка удивленно посмотрел на прадедушку. У Русгира тотчас промелькнула мысль: «Действительно, я бы узнал о болезни внука даже раньше него. Хм, нужно быть повнимательнее».

— А что Хоринек, дружок твой? Выковал наконец свой первый нож?

Тут Рустика прямо-таки забила мелкая дрожь отвращения.

— Не знаю!

«Ага, вот и вторая зацепка, — отметил про себя Русгир. — Двигаемся дальше».

— Что-то синяки у тебя... Подрался?

— Нет.

— Может, подножку тебе кто подставил в переходе?

— Нет.

— Ну, раз не хочешь с умными людьми разговаривать, значит, обманут будешь…

— Ну и ладно.

— …и предан.

При последнем слове Рустик резко вскинул на деда глаза, и из них брызнули слезы горькой обиды.

— Деда! Ну откуда ты всё знаешь?! — закричал он, размазывая слезы по щекам. — Этот Хоринек... Нет, этот Хорек вонючий предал меня! Мы пошли вместе ловить пещерных угрей вместо урока по истории гномьих царств. Я поймал четверых, а он всего двоих. Я сам предложил разделить весь улов честно, пополам, а он просто развернулся и убежал! А когда я возвращался в чертог, меня поймал учитель. И сказал, что Хорев ему всё рассказал, что я прогуливал занятия, удрав на рыбалку! Не друг он мне больше, видеть его не хочу!

— Да-а-а, — тяжело покачал головой дед Русгир, раскуривая трубку. — Прогуливать школу — дело нехорошее. Тебе уже двенадцать лет, скоро ремесло выбирать, а ты историю своего народа не знаешь. Вот послушал бы ты с другом, что рассказывают на уроках по истории

гномьих царств, сам бы узнал, до чего приводит черное предательство среди королей гномов, может, и не дошло бы до этого.

— Короли гномов… могут предавать?! — Рустик даже рот раскрыл от удивления, мигом позабыв о слезах.

— Ну, не спроста конечно предали, а под влиянием колдовского помрачения, что на них тогда нашло, — тихо ответил дед. — Но да, предали. И это черным пятном позора навек легло на наш некогда светлый образ честных гномов. Как ты знаешь, в горах Орокарни в древности проснулись четыре правителя великих кланов Кхазад: мы — Железнорукие, а также наши соседи — Черновласы, Каменноноги и Жесткобороды. Мы веками мирно сосуществовали, торговали, воевали, дружили и честно поделили все Красные горы на царства. Но однажды Враг преподнес нашим королям Кольца Власти, и мы обезумели. Кланы начали бездумно накапливать золото, не гнушаясь ради него воровством, грабежом и даже братоубийством. А когда золота накапливается слишком много, оно притягивает драконов.

Дед затянулся, и сизый дым мягко окутал книжные стеллажи.

— Наш клан Железноруких был затронут этой тьмой меньше всего. Уникальность умений наших родов — ведь Сохи сильнее, Локи хитрее, а Макхи мудрее короля — не дает ему абсолютной власти: мастера смогли удержать правителя от полного безумия и вовремя отобрали проклятое Кольцо. Алхимики Макхи вплавили его в приманку для дракона, увели ящера под бывшую столицу Бар-Энгрин и запечатали его там. А вот клан Каменноногов пострадал от нашествия драконов сильнее всех — их Кольцо сгорело в чудовищном пламени вместе с их королем и древней столицей. В жестокой битве с драконом их род измельчал и потерял былую силу. Им пришлось покинуть свои владения. Говорят, что дракон, разоривший их земли, до сих пор спит в большой сокровищнице Каменноногов. Гномья гордость не позволила им просить убежища у Железноруких, а удерживать великие горы своими силами у них уже не было возможности. Поэтому они покинули Орокарни и навсегда ушли на запад, обосновавшись в диких, незанятых холмах у самого берега Моря Рун. С тех пор те земли стали называть Прируньем, а сами Каменноноги живут там замкнуто, храня память о былом величии. А вот оставшиеся два клана — Черновласы и Жесткобороды — добровольно покорились Темному Властелину и отдали свои Кольца ему.

— Как же это произошло, дедушка? — прошептал Рустик, подавшись вперед.

— Их короли полностью лишились разума от золотого недуга, — сурово ответил Русгир. — Но страшнее всего было то, что проклятые Кольца подчиняли себе не только самих правителей. Магия Саурона, сокрытая в золоте, действовала как незримый, удушливый яд, струящийся от трона по всему королевству. Короля она подчиняла безраздельно, а тех, кто был вокруг, травила медленно, но верно. Аура Кольца стирала в душах Кхазад границы между добром и злом. Гномы Черновласов и Жесткобородов не превратились в бездумных кукол, нет, но морок разжег в них худшие черты: зависть, гордыню и алчность, ослепив в конце концов весь народ.

Старик помрачнел, и его искристо-синие глаза потемнели, словно грозовая туча.

— Сначала это была скрытая, общая подлость. Окутанные этой ментальной тьмой, они перестали видеть грех в предательстве. Точь-в-точь как твой Хорев, они тайно доносили Саурону о передвижениях наших торговых караванов, сдавали орочьим бандам пограничные заставы союзников и по-воровски выкапывали чужую руду из дальних штреков, искренне считая это своей законной выгодой. Когда же Саурон пошел войной на Последний Союз эльфов и людей и потребовал от них армии, помрачение кланов стало абсолютным. И в их чертогах пролилась братская кровь. Те немногие мастера, в чьих жилах первородный огонь горел ярче всего и сопротивлялись Кольцу дольше других, умоляли королей опомниться, кричали, что гномы никогда не служили Тьме. Но отравленное Кольцом большинство — ослепленные воины и кузнецы — искренне сочли верных Махалу братьев трусами и бунтовщиками. Они безжа-

лостно казнили сородичей, а их великие наковальни перековали на оружие для черных полчищ Саурона. Они добровольно вывели свои войска под черными знаменами Врага, потому что порча подменила в их сердцах понятия чести и долга.

На поле грозной битвы при Дагорладе случилось то, чего Арда еще не видывала: наши воины насмерть рубились спина к спине с эльфами и людьми, а против нас, закованные в уродливую темную сталь, стояли воины Черновласов и Жесткобородов. Мы плакали от ярости, стыда и жалости к потерянным братьям, сокрушая их шлемы, а они дрались со слепой злобой рабов, предавших своего Создателя ради золотого призрака.

Русгир тяжело вздохнул и выколотил пепел из трубки.

— После сокрушительного поражения войск Саурона, Единое Кольцо было потеряно, сам он развоплотился, и гномы-предатели лишились своего господина. Постепенно колдовской морок стал уходить из их умов, ведь Кольца подгорных королей так же исчезли вместе с Сауроном. Горький позор за содеянное накрыл их. Покинув свои царства, Черновласы и Жесткобороды переселились в самую южную, глухую часть Красных гор — подальше от наших границ. Прошли века Третьей Эпохи, все наши кланы начали понемногу восстанавливаться. Наши старейшины всё прекрасно понимали — морок попутал братьев. Мы простили их, но былого великого братства было уже не вернуть. Железнорукие наотрез отказались допускать возвращение семей предателей себе под бок, справедливо опасаясь воскрешения старого зла.

— Вот что такое предательство, Рустик. Оно никогда не рождается огромным. Оно всегда начинается с малого — с желания сберечь свою шкуру, с мелкой зависти к чужому улову, с подлого доноса учителю ради того, чтобы самому выйти сухим из воды. Твой Хоринек поступил не как истинный гном, а как мелкий, трусливый гоблин. Ему теперь жить с этим стыдом перед всем кланом, когда история всплывет наружу. А ты… ты получил суровый урок. Прогуливать уроки — плохо, за это ты сегодня честно получишь от отца на орехи, я заступаться не стану. Но то, что ты остался верен своему слову, разделил улов и не побежал доносить на него в ответ — это поступок настоящего гнома. Запомни этот день. Горькая обида пройдет, камень в душе уляжется, а вот честь твоя осталась чистой и крепкой, как подлинный мифрил.

Рустик шмыгнул носом, вытер слезы рукавом изумрудного школьного камзола и посмотрел на прадедушку уже совершенно другим — взрослым, твердым и понимающим взглядом. Обида на Хорева еще покалывала сердце, но теперь маленький гном точно знал, на чьей стороне правда под этой горой.

В этот самый момент в кабинет вошел хмурый отец. Рустик в последний раз шмыгнул носом и покорно шагнул вперед, приготовившись получать заслуженное наказание.

— Иди, там тебя на дворике ждут, — строго произнес Крусар и веско добавил: — А потом сразу зайдешь ко мне.

Рустик искренне удивился: кто это еще мог его ждать в такой неподходящий момент? Но, выйдя на мощеный мрамором дворик яруса, он увидел расстроенного и переминающегося с ноги на ногу Хорева. Рустик демонстративно плюнул ему под ноги и отвернулся, намереваясь уйти, но Хоринек быстро заговорил, отчаянно хватая друга за рукав камзола:

— Подожди, Рустик, не уходи! Прости меня, пожалуйста! Я, конечно, свинья последняя, но я ведь не специально тебя сдал! Честное слово! Просто у меня в разговоре выскочило несколько случайных фраз, а учитель сразу обо всем догадался. Особенно когда моих угрей увидел... Он так хитро у меня всё выпытал, подлавливал на каждом слове, я даже не заметил, как всё ему выложил! Вот, возьми...

Он дрожащими руками протянул Рустику завернутый в чистую тряпицу красивый, но ещё очень далекий от совершенства кинжал.

— Это мой первый, лично выкованный клинок, — шёпотом признался Хорек, и в его глазах блеснула гордость напополам со стыдом. — Я с ним неделю возился, всю душу вложил, чуть палец молотом не раздробил и кучу ожогов получил. По правилам, я должен был подарить

его отцу в знак почтения и признательности за обучение ремеслу. Но ты — мой лучший друг, и я не хочу тебя терять из-за своей глупости. А бате я другой откую. Мир?

Рустик бережно принял оружие и повертел кинжал в руках, разглядывая шероховатый сплав Хоров. Вообще-то, по законам Тумун-Аглана, ему в двенадцать лет было ещё слишком рано иметь личное оружие. Но это ведь был подарок, а подарки ведь не отдарки, отдавать и передаривать нельзя. Да и, если признаться честно, самому Рустику без лучшего друга было по-настоящему плохо.

Мальчик шмыгнул носом, ухмыльнулся, плюнул на свою ладонь и протянул её товарищу. Хорев мгновенно просиял, тоже с готовностью плюнул, и они намертво скрепили подгорный мир древней печатью рукопожатия.

В то же мгновение вся огромная туча обид, злости и неприязни разлетелась вдребезги. Друзья, звонко хохоча и толкая друг друга в бока, как ни в чем не бывало с топотом побежали по переходам чертога гулять на свободе.

Вот только Рустик в порыве великой радости кое-что напрочь позабыл... И теперь мальчишку ждало двойное наказание. Но что поделать... мальчишки!

Сказка 17. Праздник первой летней луны.

Этот праздник — один из самых важных для всех молодых гномов, но особенно для девушек. Они готовятся к нему задолго, еще с Нового года, ведь именно в этот день подгорные жители выбирают себе половинку. А это дело величайшей ответственности: гномья семья создается один-единственный раз и остается столь же прочной и нерушимой, как сами вековые горы.

За день до торжества жилища гномов преображаются, украшенные охапками свежих цветов, пахучим хвойным лапником, разноцветными фонариками и искусно сплетенными гирляндами. Когда наступает праздничная ночь, все неженатые парни собираются у выхода из Тумун-Аглана под чистым серебряным светом полной луны. Навстречу им из ворот величаво выходят нарядные, ослепительно красивые девушки под руку со своими строгими отцами. На площади перед Главными Вратами невесты внимательно приглядываются к претендентам, а парни всеми силами стараются показать, насколько они замечательные, сильные и умелые, вовсю демонстрируя свои лучшие достоинства, ратные навыки и таланты в ремесле. Каждый хочет, чтобы на него обратили взор, ведь женщин у подгорного народа рождается очень мало — они величайшая редкость, и во внешнем мире их почти никто никогда не видел.

После демонстрации умений все перемещаются под сень богато украшенных шатров, где и начинается настоящее празднество. Здесь отцы наконец-то отпускают руки своих красавиц, и молодежь может вдоволь потанцевать и поговорить. Разумеется, девушки общаются только с теми юношами, кого одобрил строгий родительский взор. И пока молодые весело резвятся под луной, взрослые чинно сидят за столами, вкушая старательно приготовленные яства, попивая доброе вино и пиво. В этой солидной обстановке старшие заключают предварительные договоры и даже в шутку делают ставки — сойдется та или иная пара или нет.

Лишь под утро все опять скрываются под сенью гор. Но гуляния на этом не заканчиваются: еще не меньше недели после праздничной ночи устраиваются застолья, назначаются личные встречи, свидания и смотрины. И только затем официально объявляются даты будущих свадеб.

Анушке, у которой одна из любимых тетушек как раз подошла к заветному возрасту замужества, всё вокруг было до жути интересно! Сиренеглазая егоза совала свой любопытный носик абсолютно везде, где только можно: она увлеченно помогала наряжать тетю, тайком пробовала лучшие праздничные угощения, «случайно» вбегала в палатки к молодым претендентам, смущая парней своим звонким хихиканьем, без устали танцевала под луной и даже пыталась авторитетно участвовать в семейных спорах о приданом. Её серебряная заколка-звезда так примелькалась в толпе, что на нее уже почти перестали обращать внимание.

Но когда Анушка полезла с непрошеными советами прямо к тетушке и принялась громко утверждать, что во-о-он тот молодой гном, который только что подарил самой Анушке красивую блестящую цепочку, самый лучший, щедрый и красивый... наверное. Тетя не выдержала и тихонько пожаловалась деду Русгиру.

Старый ветеран подкараулил егозу и выхватил её из шумного праздничного хоровода так ловко, быстро и незаметно, что девочка продолжала еще минуты две увлеченно притопывать замшевыми туфельками и напевать быструю праздничную мелодию, пока наконец не обнаружила, что шум веселой площади остался позади, а сама она стоит в полумраке гостевого шатра прямо перед грозным прадедушкой.

— Ой... — пискнула девочка, запоздало начиная понимать, что где-то перегнула палку.

— Вот тебе и ой, — сурово проворчал Русгир, откладывая трубку, и медленно потянулся к её лицу своими огромными мозолистыми пальцами.

— Нинада-а-а! — тут же загнусавила Анушка, намертво прикрыв ладошками свой маленький носик.

— Поняла? — прищурился дед.

— Угу, — смиренно подтвердила она из-под ладоней.

— То-то же, — сказал дед. — Наряжать тетушку к смотринам — дело хорошее, пробовать праздничные медовики — тоже не грех. Но совать свой нос в дела взрослых – это перебор. Ладно, отпусти нос и садись на пуфик, расскажу я тебе историю.

— Про людскую девочку Варвару, которую замуж не берут? — робко спросила Анушка, усаживаясь поближе и поправляя волосы в которых победно сияла любимая серебряная заколка-звезда.

— Нет, не про Варвару. Раз уж мы на празднике Первой летней луны, то пора тебе узнать, почему этот день так важен под горой, и почему наши женщины — это самое главное сокровище Кхазад.

Старик не торопясь раскурил трубку, и сизый дым ароматного заратуанского табака мягко поплыл к пологу шатра, за которым звенела, пела и праздновала под луной вся молодежь Тумун-Аглана.

— К великому нашему сожалению, — тихо начал дед, и его хриплый голос заставил девочку притихнуть, — девочек у подгорного рода рождается очень мало. На одного младенца в лавандовом или розовом чепчике приходится двое, а то и трое горластых мальчишек. Поэтому мы бережем им пуще зеницы ока, мало кто из них выходил из городов при свете дня, еще меньше путешественниц видели чужие глаза, даже во время вынужденных перемещений гномьи женщины прячутся в кибитках или маскируются под мужчин. Из-за этого по всей огромной Арде среди людей и эльфов ходит великое множество глупых, нелепых легенд. О, ты бы послушала, что они болтают на своих Внешних рынках! Одни утверждают, будто гномов вовсе никто не рожает, а мы сами вылупляемся прямо из диких скал, вырубая себя топорами из гранита. Другие с пеной у рта доказывают, будто гномьи женщины точь-в-точь похожи на мужчин — такие же широкоплечие, грубые, да еще и с огромными окладистыми бородами до самого пупа, отчего чужаки просто не могут нас друг от друга отличить!

Анушка звонко, весело прыснула в кулачок, представив свою строгую, аккуратную бабушку Мурусю или изящную тетушку с окладистой бородой. Русгир и сам добродушно усмехнулся в усы:

— Да-да, Кхазад прекрасно знают эти сказки Запада. И, признаться честно, посмеиваясь в густые бороды, мы нарочно подогреваем эти слухи! Нам это только на руку. Пусть болтают, пусть думают, что нас не существует. Ведь подгорный народ свято чтит древнюю легенду о сотворении первых гномьих матерей...

Слушай же, внучка. Давным-давно, когда вала Махал — Создатель наш — вытесал из камня семерых Праотцов, он понял, что его дети будут бесконечно одиноки в холодных недрах Арды. Камень крепок, но он не умеет дарить нежность; горн горяч, но он не согреет душу долгими зимними ночами. И тогда Махал вновь спустился в свои великие кузни Валинора. Но на этот раз он не взял в руки ни тяжелый молот, ни грубое кайло. Он собирал материалы по всей вселенной: взял чистоту первозданного мифрила, мягкость тончайшего золотого песка, тепло глубинного земного очага и редкие капли росы с лепестков горных цветов. Из этого союза силы и нежности он сотворил гномьих женщин, вдохнув в них искру такой любви и верности, которая способна пережить саму смерть гор.

Когда наши Праотцы пробудились и увидели своих подруг, они замерли в священном благоговении. Они поняли, что золото, изумруды и алмазы, скрытые в недрах Орокарни — это лишь блеклые, никчемные стекляшки по сравнению с сиянием глаз гномьих матерей. И тогда первые короли принесли Махалу нерушимый зарок: Кхазад будут беречь, лелеять и защищать своих женщин пуще собственной жизни. Мы спрятали вас в самых глубоких, самых надежных

и безопасных чертогах под защитой монолитных базальтовых стен и тяжелых стальных застав. Мы делаем всё, чтобы на наши самые большие сокровища даже не позарился, даже взглядом не зацепил ни один из многочисленных врагов Средиземья — ни злые орки, ни хитрые гоблины, ни жадные до чужого богатства люди. Гномья женщина выходит на свет солнца или луны только под надежной охраной отца или мужа, и горе тому чужаку, кто посмеет взглянуть на нее, раскрыть ее инкогнито — он умрет, не успев раскрыть рот.

Дед мягко потрепал Анушку по светлым кудряшкам:

— Вот почему праздник Первой летней луны — это великое таинство. Юные Кхазад веками выбирают себе половинку раз и навсегда. Наша семья должна быть прочной и нерушимой, как сам гранит. Взрослые отцы не просто так сидят за столами, заключая договоры и присматриваясь к парням — они выбирают для своих дочерей самую надежную защиту, самых честных и сильных мастеров. Молодые гномы на площади расшибаются в лепешку, демонстрируя силу, ум и таланты ремесла, чтобы доказать: они достойны принять в свой дом величайший дар Махала.

Так что не нужно мешать таинству встречи двух сердец, Анушка. Не нужно бегать со своими детскими советами и цепочками. От того, насколько правильно и честно сойдется пара, зависит то, насколько крепким будет их подгорный очаг, и как много здоровых, веселых детишек у них народится на радость всему нашему клану Железноруких. Понимаешь теперь?

— Понимаю, дедушка, — тихо и серьезно ответила Анушка, прижимаясь к его широкому плечу. — Я больше не буду мешать тете Эльрусии. Пусть её выберет самый лучший и самый храбрый гном.

— Вот и умница, — улыбнулся старый ветеран, бережно прижимая к себе внучку.

А за тонкими стенами шатра, залитая чистым серебряным светом Первой летней луны, продолжала петь и кружиться в танце юность Красных гор, прочно удерживая вековые корни великого подгорного народа.

Сказка 18. Поездка в Дол-Кхазад.

Детские каникулы — это настоящее стихийное бедствие для родителей и суровое испытание для всех домочадцев. Пока шла учёба, дети были загружены в школе или корпели над уроками, не докучая взрослым. Но стоило начаться каникулам, как они превращались в ураган, сметающий всё на своём пути. Получив огромное количество свободного времени, сорванцы изнывали от скуки, требовали ежеминутного внимания, и их нужно было без конца контролировать: кормить, одевать, а главное — хоть чем-то занимать круглые сутки.

Сегодня эта незавидная роль воспитателя досталась Катрусе, внучке Русгира. Девушка уже выбилась из сил: она успела прочитать им сказку, сыграть в салки, порисовать и даже устроить шумную беготню — скажем так, «по ярмарке». Что делать с этой неуправляемой оравой всю оставшуюся неделю, она ума не могла приложить. А ведь с начала каникул прошло всего несколько часов!

И тут Катрусю осенила гениальная мысль. Когда Анушка подбежала к ней с очередным «очень важным» вопросом, девушка напустила на себя томный, загадочный вид и, демонстративно не замечая племяницу, произнесла вслух:

— Ах, как бы мне хотелось поехать с дедушкой Русгиром в Дол-Кхазад! Ведь там столько всего удивительного… Жаль, что мне придётся провести всю эту неделю дома.

Катруся лукаво приоткрыла один глаз, оценивая реакцию. Эффект оказался ошеломляющим. Анарусия застыла как вкопанная. В её глазах на мгновение отразился напряжённый мыслительный процесс, после чего девчушка, напрочь позабыв, о чём хотела спросить, резко развернулась и сломя голову помчалась к кабинету деда.

«Дело сделано!» — победно улыбнулась Катруся и со спокойной душой пошла собираться на вечернюю прогулку с подругами. Теперь-то дети точно не отстанут от дедушки и любой ценой напросятся в эту поездку, обеспечив себе приключения на все каникулы.

— Деда! А ты куда это собрался? — вкрадчивый голосок застал Русгира врасплох прямо посреди его кабинета.

От неожиданности старик вздрогнул и приложился головой о тяжёлую деревянную полку. Прямо под ней стояла тумба, на которой он аккуратно раскладывал дорожные вещи. Потирая ушибленный затылок, дед обернулся к Анарусии и с подозрением прищурился:

— Это ещё что за новости? С чего ты взяла, что дед куда-то собирается?

Анарусия хитро стрельнула глазками и ответила максимально уклончиво:

— Да так… все говорят!

Дед, разумеется, в эту басню не поверил, но отпираться не стал и нехотя буркнул, что уезжает, но ненадолго и скоро вернётся.

— А можно мне с тобой? — тут же пошла в атаку внучка.

— Нет, — отрезал Русгир. — Ты ещё слишком мала для таких опасных путешествий. Так что оставайся-ка дома.

— Ну де-е-еда-а-а… — жалобно запричитала его главная любимица.

И против этого оружия у старого воина не было никаких шансов. Ну как можно отказать маленькой девочке, когда из её прекрасных сиреневых глаз катятся крупные, горькие слёзы?

— Ладно, ладно, уговорила! — сдался дед, всплеснув руками. — Что с тобой поделаешь… Поедешь со мной.

Не успело затихнуть его согласие, как из-за двери, выскочили Рустик и Хрустик:

— И мы! И нас с собой возьми!

— Да что ж это за наказание такое?! — в сердцах рявкнул Русгир и сокрушительно топнул ногой. Делать было нечего — крепость пала под натиском юных захватчиков.

Через несколько минут все трое предстали перед дедом в дорожной одежде и с котомками, из которых торчали игрушки и сладости, наперевес.

— Значит так! Котомки оставляете здесь и идите к себе в детскую, отправляемся только завтра утром, —скомандовал Русгир.

В ответ на это заявление Анушка хитро прищурила свои сиреневые глазки, заглянула деду в лицо и самым ангельским голоском протянула:

— Деда… А можно мы поспим прямо здесь?

Тут Русгир понял: его хитрый план улизнуть на рассвете пораньше, пока сорванцы видят десятый сон, провалился с треском. Тяжело вздохнул, дед махнул рукой:

— Ладно, устраивайтесь.

Кабинет мгновенно превратился в детский лагерь. Дети с весёлым гамом разбежались по комнате и с комфортом устроились на стоявших здесь диванах и креслах.

Пока малышня раскладывалась, Русгир принялся дособирать вещи. Старый, мудрый гном, проживший на свете не один век, сразу смекнул, откуда ветер дует. Ну конечно! С чьей ещё подачи правнуки могли так внезапно разузнать про его секретную командировку? Только Катруся могла провернуть эту уловку, чтобы сбыть детей с рук и упорхнуть гулять с подругами. Старик усмехнулся в бороду: «Ну погоди, внученька, хитрый план — это игра, в которую можно играть вдвоём».

Уложив свой верный дорожный баул, Русгир первым же делом сообщил Катрусе, что она едет с ним, следить за ребятишками, так как у него на это времени не будет.

Катруся едва не лишилась дара речи. Её идеальный план с треском провалился, превратившись в законное наказание: вместо беззаботных каникул дома её ждала целая неделя под присмотром строгого деда и в компании неуправляемой троицы. Делать было нечего — пришлось покорно паковать дорожную сумку.

— Деда, а как мы туда поедем? – Поинтересовался Хрустик.

— Не поедем, а поплывем.

— Поплывем? — у Хрустика, этого неугомонного любителя приключений и новых ощущений от волнения аж голос задрожал. — Это как?

Русгир хмыкнул и ласково потрепал правнука по багряному колпачку.

— Мы, гномы, существа сухопутные, любим ощущать ногами твердый, надежный камень. Вода — стихия капризная, но и её можно приручить. Для этого у нас есть Зэры — мастера водных путей. Когда наши пращуры заселяли горы, подземные реки были дикими и бурными. Именно Зэры догадались заковать их в гранитные берега, построить шлюзы и укротить бешеные потоки. Они заставили бурную энергию подземных рек работать на себя, заставляя их крутить колеса кузнечных молотов и мехов горнов, приводить в действие лифты и подъемники и обеспечивать свежим воздухом весь город. Укротив стихию, они превратили опасные потоки в спокойные подземные дороги. Их речные паромы прочно держатся за воду, а управляет ими кормчий при помощи мощных механизмов. Так что не бойтесь, никто из вас не утонет, будете сидеть на палубе, как на домашнем ковре.

Следующее утро началось для Русгира с шока. Троих сорванцов, которых в обычные учебные дни невозможно было добудиться в школу никакими силами, сейчас даже будить не пришлось. Стоило деду открыть глаза, как он обнаружил всю троицу уже на ногах. Одетые, причёсанные и с котомками наперевес, они дисциплинированно стояли у самого выхода из кабинета. Чуть поодаль с невероятно унылым видом стояла Катруся, обречённо сжимая лямку своей сумки.

Русгир победно оглядел эту гвардию, прищурился на притихшую внучку и грозно прокашлялся:

— Ну что стоите? Шагом марш завтракать!

После плотного завтрака отпираться было уже не от чего. Русгир взвалил на плечи походный рюкзак, решительно скомандовал: «За мной!» — и повёл за собой весёлую детскую ораву и плетущуюся позади Катрусю прямиком в сторону пристани.

На каменистом берегу подземной реки покачивалась надёжно сбитая, крепкая ладья — просторная и широкая. Русгиру со своей неугомонной компанией поднялся на борт, как к ним присоединилось ещё несколько гномов, и ладья отчалила.

Маршрут ладьи пролегал по-тихому, спокойному руслу, и управлял ею всего один гном. Ему не нужны были ни весла, ни паруса, ни матросы. Вдоль реки ладью тянула, закольцованная мощная цепь. Эту цепь непрерывно приводили в движение огромные колеса, установленные на водопадах. Когда ладье нужно было плыть вверх по реке, кормчий просто крепил её к звеньям цепи замком-захватом, и сила водопадов плавно влекла судно вперед. На обратном же пути замок отцепляли, и ладья шла сама, послушно скользя по течению, а кормчий лишь слегка направлял её длинным рулевым веслом.

Судно плавно скользило по водной глади. Русгир спокойно созерцал индустриальные чудеса своего народа, а Анарусия с братьями устроили кормчему настоящий допрос. Девчушка буквально не давала ему прохода, засыпая вопросами со скоростью стреломёта:

— А почему река такая спокойная? А куда она течёт? А мы не врежемся в стены? А мы не застрянем, задев потолок?

Катруся, которой было велено неусыпно следить за сестрой, лениво пыталась оттащить её за шиворот, но Анушка ловко уворачивалась. Когда же корабль стал приближаться к грохочущему впереди водопаду, количество вопросов удвоилось и у бедного кормчего от этого галдежа уже буквально распухли уши. Не выдержав, он повернулся к маленькой тараторке и строго скомандовал:

— Так, Егоза, сиди, держись крепче и просто смотри!

Судно тем временем подошло к самому краю бурлящего обрыва. Но вместо того, чтобы рухнуть вниз, оно плавно зашло на сужающиеся помосты. Вода ушла из-под днища, и корабль, аккуратно встав на небольшие скрытые колёсики, покатился вперёд по специальному пандусу.

Прямо у края водопада этот настил перешёл в хитроумную систему металлических рельсов. Колёса корабля с чётким щелчком идеально встали в пазы. Издав весёлый гул, судно легко и непринуждённо скользнуло по пологому спуску вниз, прямо над грохочущим водопадом!

Дети восторженно завопили, Русгир довольно улыбнулся, и даже Катруся от неожиданности и восторга напрочь позабыла про свои обиды. Переведя дух в самом низу течения, корабль мягко сошёл с железного пути, вновь закачался на речных волнах и уверенно поплыл дальше.

— Деда, а расскажи, куда мы плывём? — отстав наконец от бедного кормчего, внучка переключилась на дедушку.

Русгир поправил усы, усадил Анарусю поудобнее и начал свой рассказ:

— Хм. Дол-Кхазад — это небольшой городок в предгорьях Красных гор. «Дол» с эльфийского означает «холм», а «Кхазад», как вы понимаете, по-нашему — «гномы». Получается Гномий Холм. Здесь находится наша передовая застава, и отныне это последнее безопасное место, где эльфийские караваны могут передохнуть перед опаснейшим перемещением через Великие равнины, которые просто кишат кровожадными племенами.

— Ух ты! — тут же заинтересовался Рустик, подсаживаясь поближе. — А зачем ты туда едешь, деда?

— Помните, недавно эльфы приезжали к нам в столицу, и наш король дал согласие на проход их караванов по нашим землям? Так вот, эльфы это хорошо оценили и платят за проход полновесным золотом и самоцветами. Но по пути через степи они часто попадают в засады и гибнут. Мы же не раз ходили до самого моря Рун и знаем все уловки истерлингов. Вот я и везу эльфийским торговцам наше предложение о защите их караванов.

Сказка 19. Питомец.

Русгир, по обыкновению, работал у себя в кабинете. Вдруг краем глаза он заметил, как мимо двери прошмыгнула чья-то мелкая фигурка. Сначала дед не придал этому значения, но потом, посмотрев на тяжелые настенные ходики, задумался. Судя по времени, это пришла с уроков Анушка, которая пошла уже в первый класс подгорной школы. И, придя домой, любимая внучка не заглянула к деду? Такое случилось впервые. Что-то здесь было нечисто.

Он вышел в коридор, и тут из кухни показалась Муруся.

— Ты видел Анушку? — спросила она. — Пробежала, даже не выпросила сладкую коврижку с молоком, даже не утащила кусочек пастилы. На нее не похоже.

Они вместе зашли в детскую. Анушка сидела на кровати и с чем-то там копошилась.

— Здравствуй, внученька, — сказала бабушка с нажимом.

— Ой, здравствуйте! — спохватилась девочка. — Я так забегалась сегодня, что забыла здороваться.

— А что ты там делаешь? — спросил дед.

— Я? Ничего, — стала увиливать девочка. — Вот, с подружкой браслетиками поменялась.

Она схватила лежащий рядом браслет и показала старшим:

— Вот, рассматриваю.

— Но ведь этот браслет я тебе подарила! — изумилась бабушка.

— Эээээээ, ну, на самом деле нет... У того, что ты подарила, было семь красных бусин, четыре фиолетовых и пять желтых, а у этого шесть фиолетовых...

— Так, — прервал ее дед. — Не стыдно тебе любимым дедушке с бабушкой врать?

— Ну хорошо, — покраснела она. — Я скажу, только пообещайте, что оставите!

Старик сдвинул брови, собираясь ругаться, но тут кто-то, видимо устав прятаться, зашебуршал под одеялом, и через мгновение на стариков смотрела смешная мордочка молоденького горностая.

— Таааак, — дед упер руки в бока и хмуро сказал. — Только живности нам не хватает.

Поняв, что ее раскрыли, Анушка прибегла к последнему, самому сокрушительному оружию. Из прекрасных глаз маленькой манипуляторши брызнули слезы, и она заныла:

— Ну деееедааа!

— О боги! — вскричал тот и удалился.

Анушка расстроилась — на бабушку слезы действовали хуже.

— Бабушка, ну можно его оставить?

— А ты знаешь, что питомец — огромная ответственность? За ним нужно убирать, кормить его, вычесывать. А убежит — что делать будешь?

Поняв, что крепость пала, Анушка бросилась добивать:

— Я все-все буду делать, ну пожалуйста! Я прочитаю все книжки по уходу за горностаями и вступлю в кружок горностаеводов.

— Ну ладно, — бабушка рассмеялась. — Горностаевод ты мой юный. Но смотри, будешь его обижать — отдам его в другие, более ответственные руки, — пригрозила она.

Девочка уже не слушала, она бросилась танцевать, а веселый горностай прыгал и бегал вокруг.

— Ну ладно тебе скакать, егоза, — Муруся присела на край кровати. — Раз уж взяла зверя в дом, слушай старую сказку о том, откуда вообще пошёл обычай держать горностаев.

Давным-давно, когда подгорное королевство было ещё совсем молодым, прорубили гномы глубокую шахту — Медную Жилу. Медь шла оттуда богатая, но вслед за гномами под землю пришли серые полчища — крысы да мыши-полёвки. Повадились вредители грызть

кожаные ремни на подъёмниках и таскать у рабочих сухари. Сколько гномы ни ставили капканов — крысы были хитрее.

Однажды один старый шахтёр вышел из штрека воздухом подышать. Вдруг у самого края обрыва на ледяных камнях он заметил пушистый комочек. Гном присмотрелся — а это горностай. Бедолага совсем замёрз на ледяном ветру и был так истощён, что даже лапкой пошевелить не мог. Гном пожалел зверька, бережно спрятал его за пазуху своего плаща и принёс в забой. Там он налил в плошку парного молока, отогрел малыша у костра.

В этот момент из тёмного угла выскочила огромная наглая крыса и попыталась утащить хозяйскую сумку. И тут произошло то, чего гном никак не ожидал: молодой горностай, едва набравшись сил от тёплого молока, белой молнией рванулся вперед. Свирепый и бесстрашный, он в одно мгновение перекусил крысе горло.

Гном удивленно посмотрел на задушенного вредителя, потом на белого зверька, гордо стоявшего над поверженным врагом. Вдруг горностай забавно чихнул, повёл чёрным кончиком хвоста и заговорил чистым, звонким голоском:

«Спасибо тебе, честный гном, что спас меня в стужу лютую! Я доброты твоей никогда не забуду! Давай я останусь у тебя и буду твой амбар охранять. С детьми твоими играть буду. А ты мне за службу — миску парного молока, тёплый угол да мяса кусок. Идёт?»

Рассудил гном, что такой помощник в хозяйстве — это великая польза. За несколько дней горностай навёл в шахте идеальный порядок. С тех пор гномы и стали одомашнивать горностаев. Они у нас в домах, на пасеках и на складах служат.

Правда, не все горностаи такие полезные. Те дикие зверьки, что не хотят с гномами дружить, остаются неюдимыми — они охотятся в горах и порой разоряют птичники и крольчатники честных фермеров. Но домашние-то совсем другие!

Бабушка Муруся замолчала и ласково потрепала девочку по плечу. Анушка улыбнулась, поглаживая своего горностая, который уютно свернулся клубком у неё на коленях.

— Поняла теперь, внученька? Горностай — зверек гордый, будешь обижать его — цапнет и сбежит, а подружишься — станет тебе верным другом и защитником, ни одной крысы, ни одного гада ползучего к тебе не подпустит. Ну, пошли на кухню, горностаевод, коврижка совсем остынет. Да и питомцу своему первую миску молока нальешь!

А спустя несколько дней Русгир вдруг обнаружил, что его любимый плед лежит на полу кабинета. Всегда аккуратный и педантичный гном очень удивился. Вдруг плед зашевелился.

— Ага, - понял он, - вот оно что.

Он быстро подкрался и ловким движением выхватил горностая из теплой «норки» за холку. Войдя в детскую, увидел, что малышня бегает по комнате в суете и его не замечает.

— Анушка, что это такое, я тебя спрашиваю? — потряхивая зверьком, который изворачивался, смешно болтая лапками в воздухе и пытаясь цапнуть деда за толстый палец.

— А, вот ты где! — вскричала девочка и, подбежав, отобрала у деда зверька, зажав в охапку.

Зверек выскользнул из ее рук и молнией, взлетев по замершему от неожиданности деду, устроился у него на шее теплым «шарфиком».

— Ой, а ты ему нравишься! — обрадовалась Анушка.

— А он мне нет, — буркнул дед, опасливо косясь на мордочку зверька у самого своего уха.

Зверек поднял головку, подмигнул одним глазом и опять прилег, устраиваясь поспать, видимо. Еще одно сердце было растоплено, дед снял с себя зверушку и, отдав ее внучке, ушел в кабинет, что-то сердито бурча под нос.

Сказка 20. Свадьба.

Отмечать праздники гномы умеют. Им только дай повод — и усердные, трудолюбивые работяги вмиг побросают свои инструменты и побегут пить пиво да есть вкусную еду. Всего через несколько недель намечался грандиозный повод: Эльрусия выходила замуж.

Правда, подготовке к торжеству предшествовал суровый хаос. В берлоге Русфура, отца невесты, пахло сухим деревом, пчелиным воском для полировки и хорошим заморским табаком. Стены из плотного чёрного базальта были украшены головами диких животных, а на массивных полках лежали арбалеты и хитрого вида капканы.

Отец невесты и дед начали планировать мероприятия ещё за месяц, и нужно было учесть всё. С местом священного Обряда Соединения определились сразу — изумрудный грот Урусгарат, Великой праматери их клана. Эльрусия и её избранник Вирлок — выпускник подгорного университета и ныне младший помощник главного архивариуса Королевской библиотеки — уже разослали приглашения друзьям, мастерам и учителям. Но ворох ответов, открыток и встречных прошений от дальних родственников рос как лавина. Такое ощущение, что на праздник решил прийти весь клан Азагхарат.

У Русгира глаза лезли на лоб от списков, а Русфур и вовсе без сил валялся в глубоком кресле, судорожно дергаясь от одной мысли, во сколько золотых выльется аренда огромного зала, найм поваров, музыкантов и гномов для украшения.

— Мы пойдём по миру, батюшка... — обречённо пробормотал Русфур, глядя на смету. — Столько гостей! Ни один закрытый трактир их не вместит, а ресторан «Корона Азагхарат», где происходили все королевские торжества, просит баснословную цену за аренду!

— Не скули, Русфур, — спокойно ответил Русгир, раскуривая трубку и пуская сизое колечко к базальтовому своду кабинета. — Твоя дочь — Руса. Семья у Кхазад создаётся один-единственный раз и навек, так что золото — лишь пыль под ногами. Мы обязаны показать, что для нас крепость подгорного очага важнее злата.

Договорить дед не успел. Тяжёлая дубовая дверь кабинета приоткрылась, и в щель просунулся знакомый сиреневый колпачок Анушки. Следом, забавно подёргивая чёрным кончиком хвоста, проник её ручной горностай, а за ними уверенно протиснулись Рустик и Хрустик.

— Деда! Папа! — Анушка ловко взобралась на колени к Русфуру, мигом расправив сарафан. — А это правда, что в изумрудном гроте Вирлок должен подарить сестрице шейную гривну с нефритовыми рунными камнями, а не золотой перстень? Хрустик говорит, что книжные гномы из библиотеки трусливые, они боятся пещерных пауков! И что он такой слабый что уронит тетю прямо в сверкающий ручей, перенося ее по мостику во время обряда.

Русфур лишь тяжело вздохнул, а старый Русгир добродушно усмехнулся в седые усы, перебирая пальцами бороду.

— Твой брат, как обычно, мелет чепуху, — веско произнес ветеран, и в его глазах загорелись тёплые искры. — Вирлок — честный гном, а свитки библиотеки весят потяжелее Хрустиковой каски. Что же до нефритовой рунной гривны и Обряда Соединения — это древний, священный закон. Наша Праматерь Урусгарат была создана самим Махалом в кузнях Валинора как великий дар нашему Первому Королю Русгарату. Ей не нужно было выбирать среди сотен претендентов, её судьба была предначертана свыше, и она изначально предназначалась только ему — в союзе силы и нежности. И когда они пробудились в недрах Орокарни, Русгарат принёс ей не золото, коего в горах было без счёта, а кусок чистого, необработанного камня. Это был символ того, что своё счастье и свой подгорный дом они вырубят сами, своими руками. С тех пор каждый жених из Железноруких повторяет этот обряд, клянясь беречь свою половинку пуще зеницы ока.

Дети завороженно притихли, даже горностай перестал шебутить под столом. Пока отец и дед отвечали на вопросы младших, Рустик, обладая цепким школьным умом, внимательно изучал разложенные карты чертогов и ворох писем. Вдруг мальчик нахмурился и резонно заметил:

— Деда, папа, а зачем вы вообще спорите из-за аренды ресторана или залов? Смотрите, тут половина писем от простых рудокопов и кузнецов. Не нужно ничего снимать! Накройте столы прямо на площади нашего чертога. Там и все гости поместятся, и места для торжества будет праздничного вдоволь, а для важных гостей мы поставим центральный стол, где будут подаваться изысканные кушанья и дорогие вина. А когда официальная часть закончится, все просто разбредутся по интересам: старики и почтенные мастера пойдут пить пиво в «Подгорный Очаг», а молодежь побежит танцевать и веселиться в «Весёлую кузню»!

Русгир резко замер с трубкой у рта. Он переглянулся с сыном. Усталость от предсвадебных хлопот настолько замылила им глаза, что они и не подумали о таком простом и блестящем решении.

— А ведь малец прав... — Русгир звучно хлопнул себя по ладони. — Площадь Девятого чертога огромна, там весь клан встанет! Русфур, мы спасены от банкротства!

И вот долгожданный день настал. Свадьба началась.

Обряд Соединения в священном изумрудном гроте Урусгарат, сквозь который струился чистый, звенящий горный ручей, прошёл в благоговейной, торжественной тишине. Вирлок, хоть и волновался под суровыми взглядами Сохов, твёрдо держал в руках свадебную гривну. Когда он бережно возложил украшение на шею Эльрусии, под сводами грота зазвучали величественные старинные гимны Кхазад. Он с легкостью перенес ее через поток и аккуратно поставил на ноги перед родителями.

Затем все переместились на гигантскую площадь. Столы ломились от небывалого обилия: сочные запечённые окорока, горы медовых коржиков, тонны свежего пива и ароматных настоек. Гремели торжественные речи старейшин, мастера сдвигали тяжелые кубки, желая молодым прочного, как базальт, очага. Сам король почтил своим присутствием празднество. А когда над подземным городом угасла хрустальная люстра, площадь вдруг озарилась невероятной диковинкой — грандиозным фейерверком, который Русгир по секрету выменял у заезжих восточных умельцев. Разноцветные огненные драконы и искристые мифриловые звёзды с шипением взлетали к циклопическому своду чертога, рассыпаясь мириадами ярких искр под восторженные крики гномьей детворы.

В самый разгар веселья за главным семейным столом зашла речь о важной подгорной традиции — смене родовой руны. Эльрусия теперь должна была навсегда изменить своё имя, вставив в него руну ЛОК в знак принадлежности к роду мужа-летописца.

— Ох, великое дело — смена имени, — добродушно ухмыльнулся в усы Русгир, приобнимая сидящую рядом жену. — Помню, как моя Муруся из кузнечного рода Хоров тоже руну меняла. А ведь в подгорной школе её звали совсем иначе — Мухора!

Сидящие за столом сыновья и невестки мигом притихли, а Рустик и Хрустик аж рты пооткрывали.

— Мальчишки в школе были вредные, — продолжал дед, озорно подмигивая правнукам. — Знаете, как дразнили тогда вашу бабушку? Её обзывали Махоркой! Я и сам, грешным делом, бегал за ней по переходам и кричал: «Махорка, Махорка, лезь ко мне в кисет!». Она тогда сердилась, топала башмачками и швыряла в меня мелкой гранитной крошкой.

Бабушка Муруся, сидевшая с самым величественным и строгим видом матриарха, вдруг густо покраснела. Не выдержав, она с размаху шутливо стукнула мужа ладошкой прямо по лбу:

— Ах ты, старый лис! Нашёл, что за свадебным столом вспоминать!

— Ай! — притворно вскрикнул ветеран, потирая лоб под дружный хохот семьи. — Так ведь я правду говорю! А как подрос — глянул на неё на празднике Первой луны, да так и обомлел. Красавица, глаза как искры из горна! Влюбился без памяти. А как поженились, приняла

она нашу руну РУС и превратилась из Махорки в мою любимую, прекрасную Мурусю. Так что, Вирлок, береги жену, Локом она станет, но характер Русов из неё никуда не денется!

По столам раскатился громогласный, счастливый гномий смех, который подхватили и соседние ряды. Свадьба пела и гуляла. Как и предсказывал Рустик, вскоре почтенные седовласые мастера, чинно поглаживая бороды, потянулись в уютный полумрак «Подгорного Очага» — помянуть былые годы под кружку крепкого эля. А весёлая подгорная молодежь, увлекая за собой жениха с невестой, с топотом и песнями побежала в «Весёлую кузню», где до самого рассвета звенели струны, гремели барабаны Туров и кружились в яростных танцах счастливые жители Красных гор.

Сказка 21. Подгорные закрома.

В дубовую дверь рабочего кабинета тихонько постучали. Затем она со скрипом приотворилась, и из коридора послышался робкий детский голосок:

— Дедушка, а к тебе можно?

— Кхм... Заходите, — отозвался старый Русгир, который только-только задремал в своём глубоком кресле после сытного обеда.

В комнату тихой тенью просочился двенадцатилетний Рустик. В руках мальчик растерянно мял свой сине-зелёный малахитовый колпачок.

— Дед, прости, что я тебя разбудил. Смотрю, ты спишь... Давай я позже зайду?

— Ну-ну, ничего, внучек, заходи, — Русгир ласково улыбнулся в усы и поправил съехавший плед. — Рассказывай, что там у тебя стряслось?

— Понимаешь, деда, нам в подгорной школе задали написать большое эссе о профессиях нашего народа. Всем ребята досталось что-то интересное, а мне досталось про фермеров! А это так скучно, глупо и неинтересно! К тому же, почему-то в нашей Королевской библиотеке очень мало свитков про эту работу. Мне вообще кажется, что у истинных гномов и специальности-то такой нет. Мы же дети камня, а не копатели грязи! Может ты знаешь хоть что-то про них?

— Хм, эссе, говоришь? Про гномов-фермеров? Интересно... — дед задумался. — Слушай, Рустик, а давай я не буду тебе рассказывать, а лучше покажу?

— Покажешь?! У тебя есть знакомые фермеры? — обрадованно воскликнул мальчик, и его глаза округлились.

— Конечно. Это наш близкий родственник, мой племянник. Зовут его Русторг, и он как раз фермер.

— Ура! Я сам всё увижу, напишу эссе и, может быть, даже не получу за него двойку! — обрадовался Рустик и подошел к деду поближе. — Дед, а когда мы к нему пойдём?

— Не пойдём, а поедем. Беги к бабушке Мурусе. Скажи, что на все выходные мы уезжаем к дяде Русторгу, и попроси её собрать нам тормозок в дорогу.

На следующее утро Русгир вместе с правнуком отправились в путь. Для начала они миновали оживлённые переходы Тумун-Аглана и спустились к подземной почтовой станции. Там они арендовали крепкую телегу, запряженную мохноногим приземистым пони, и весело покатили по мощёной каменной дороге, проложенной под горами трудолюбивыми Норами.

Старик затянулся и выпустил струю ароматного дыма.

— В древности, когда наши предки только обживали Орокарни, мы всё зерно и скот выменивали у людей и эльфов. Но чужаки капризны, дороги ненадёжны, а истерлинги на Великих равнинах то и дело грабят купеческие обозы. Случись долгая осада или война — и клан останется без пропитания. Короли быстро поняли: продовольственная безопасность клана — это фундамент, без которого рухнут даже самые прочные базальтовые чертоги. Так и появились наши земледельческие долины. Фермеры — это наш надежный продовольственный тыл. Они приручили капризную землю у подножия гор, высадили пшеницу, овощи. На высокогорные пастбища выгнали стада яков, коров, и отары овец, а на берегу озер поставили птичники, где содержат кур да уток. На склонах гор разбили виноградники, а у рек высадили плодовые сады. С тех пор гномы-фермеры трудятся не покладая рук, обеспечивая нас чистым зерном, сочным мясом и птицей. Так что фермер под горой — профессия почтенная, стратегическая. Без них наши горны быстро остынут.

Долго ли, коротко ли, но вскоре базальтовый туннель закончился. Застава осталась позади, и старик с мальчиком внезапно выехали на ярко освещенную, залитую чистым золотым солнцем горную поляну. Здесь, в плодородной долине, защищённой от степных суховеев Великих равнин, и раскинулись гномьи угодья. Дорога пошла петлять вниз по серпантину

между серыми валунами, чистейшими озерцами, журчащими речками, холмиками и густыми зелёными перелесками. Ехать было невероятно приятно: солнышко тепло пригревало плечи, а лёгкий ветерок весело ворошил кудри, торчащие из-под колпачка Рустика. Мальчик крутил головой по сторонам, буквально задыхаясь от невиданного обилия простора.

И вот вдали показался сизый печной дымок. Когда телега приблизилась, они остановились у большого, добротно сбитого деревянного сооружения, которое дедушка назвал главным домом. Рядом аккуратно выстроилось несколько построек поменьше — приземистые бревенчатые сараи, овины, амбары и другие фермерские загончики, чьи названия Рустик от избытка чувств не очень хорошо запомнил.

Навстречу гостям с весёлым гомоном высыпала шумная гурьба маленьких гномиков в возрасте от пяти до двадцати лет. Они обступили телегу со всех сторон, разглядывая приезжих, и радостно щебетали. Услышав звук подъехавших колес, на крыльцо вышел сам хозяин — широкоплечий Русторг в просторном полотняном камзоле. Увидев своего дядю Русгира, он обрадованно воскликнул на всю долину и бросился обнимать ветерана, чуть не сломав тому рёбра.

Вскоре вся огромная семья сидела за большим дубовым столом на открытом воздухе и по обыкновению гномов, много ели и крепко пили. Рустик тем временем быстро перезнакомился со своими троюродными или сколько-то там -юродными братьями и сёстрами, а затем вся ватага с гомоном умчалась играть в неведомые городским жителям сельские игры.

Дети вернулись в дом уже на самом закате, чумазые, уставшие и бесконечно счастливые. Дедушке с правнуком выделили отдельную уютную комнату с окном, выходящим прямо на звёздное небо, где они с удобством и расположились.

На следующий день началась настоящая экскурсия. Русторг водил Рустика по всей ферме: с гордостью показывал бескрайние золотые поля, где выращивалась та самая пшеница для сладких медовых коврижек, которые пекла дома бабушка Муруся; подробно рассказывал, что именно кушают куры, чтобы их мясо в супе было жирненьким и наваристым; показывал пушистых кроликов в плетёных клетях и объяснял, как выглядит настоящая большая корова. Дядя Русторг даже дал Рустику самолично покататься верхом на пони, выдал ему сочной морковки для кормления ягнят и разрешил залезть на раскидистое дерево, чтобы вдоволь поесть спелой, брызжущей сладким соком вишни.

После обеда деревенские ребята позвали мальчика на рыбалку. Получив согласный кивок от дедушки, Рустик с удочкой наперевес побежал к бурной речушке ловить форель. Он, конечно, первый раз в жизни видел эту пятнистую, прыгучую рыбу. Но у Рустика уже был боевой опыт ловли пещерных угрей, о чём он не преминул с гордостью рассказать своим новым деревенским друзьям. Местные ребята от удивления только рты пооткрывали — они и представить себе не могли, что в тёмных подземных пещерах вообще бывает рыба! А уж когда они из рассказов Рустика узнали, какая эта пещерная живность вкусная в подкопчённом состоянии, то наперебой стали просить Рустика прислать им как-нибудь копчёного угря в качестве городского гостинца. Рустик, как истинный гном, важно согласился — как отказать братьям в такой просьбе? В обмен на это он с огромным удовольствием стал слушать и мотать на ус местные хитрости ловли хитрой форели на речных порогах.

А вечером, после раннего сытного ужина, дедушка с правнуком отправились в обратный путь. В телеге под мерный шаг пони Рустика слегка укачало на ухабах. Мальчик безмятежно заснул, подложив под голову свою походную сумку, в которой бережно лежали разные собранные в поездке диковинные артефакты.

На следующий день, когда вечером Рустик с топотом прибежал из школы, он с гордостью выложил перед дедом Русгиром открытую тетрадку, в которой красовалась жирная, победная отличная оценка.

— Вот, смотри, деда, какое я эссе написал! Настоящее исследование! Сначала мне одноклассники в классе ни на грош не верили, а учитель лишь слегка усмехался себе в бороду. Но когда я достал из сумки свои артефакты — длинное пёстрое фазанье перо, тяжёлый колосок с налитыми зёрнами, пушистую кроличью лапку и настоящую кисточку от коровьего хвоста — все сразу притихли и поверили! А уж когда я раздал ребятам свежесобранную спелую вишню, то неверующих в классе и вовсе не осталось!

Мальчик счастливо рассмеялся, обнимая дедушку:

— На перемене все ко мне подходили! Расспрашивали, как же там живётся на воле, у подножия гор, и что мне больше всего понравилось. Я им честно сказал, что больше всего мне понравилось яркое, горячее солнышко, свежий ветерок и вот это потрясающее ощущение огромного открытого мира. Ощущение свободы движения, когда можно идти, куда тебе хочется, и над твоей головой не висит потолок. Но фермером... фермером я бы быть всё равно не хотел.

Русгир раскатисто, довольно расхохотался, увлекая правнука на кухню, откуда уже доносился дивный аромат свежих бабушкиных пирогов.

Сказка 22. Потерянная лампадка.

Опочивальня деда Русгира была самой тихой комнатой во всём Девятом чертоге. Толстые базальтовые стены, которые дед лично вырубил сто восемьдесят лет назад, гасили любой звук — даже гулкий смех из соседних палат здесь превращался в мягкое, далёкое бормотание. Над широким резным ложем висел старинный гобелен с изображением могучего прародителя, занёсшего молот над головой. Ткань за долгие годы выцвела, но предок по-прежнему выглядел грозно, и Анушка, когда была совсем маленькой, иногда пугалась его по ночам. Теперь, в свои семь лет, она уже привыкла к суровому лицу на гобелене и даже иногда разговаривала с ним, когда дедушка не слышал.

В комнате пахло сушёными горными травами, старым деревом и чуть-чуть — дедушкиным табаком, хотя курить в спальне бабушка Муруся ему строго-настрого запрещала. На тумбочке у ложа горела единственная сальная свеча в медном подсвечнике. Её пламя было маленьким и дрожащим, и от этого тени в углах комнаты двигались, будто живые.

Дед Русгир лежал в постели, укрытый тяжёлым шерстяным пледом цвета тёмного мха — тем самым пледом, который бабушка Муруся связала ещё к его двухсотлетнему юбилею. На голове у него был ночной колпак, мягкий, чуть сползший на один глаз, с кисточкой на макушке. Кисточка эта смешно покачивалась, когда дед ворочался. Из-под края пледа, прямо у его ног, выглядывал медный носик грелки — дедушка немного знобило, и бабушка приносила ему в постель горячую грелку, завёрнутую в полотенце.

На коленях у деда лежала раскрытая книга в кожаном переплёте — кажется, что-то про осаду Бар-Энгина. Рядом с книгой, на тумбочке, стояла чашка с недопитым травяным отваром. На носу у деда красовалось сползшее пенсне, которое дед надевал только для чтения, потому что «в его возрасте буквы стали хитрые и норовят убежать».

Дверь тихонько скрипнула.

В спальню, внимательно смотря на чашку и стараясь не расплескать, вошла Анушка. Она шла крошечными шажками, чуть ли не пританцовывая от напряжения, — её сиреневый колпачок чуть сполз на ухо, а сарафан был повязан немного наперекосяк. Язычок у неё высунулся кончиком наружу — это у неё всегда бывало, когда она очень старалась.

Она поставила чашку на столик рядом с дедушкиным отваром и наконец выдохнула:

— Деда, бабушка сказала, что ты заболел, и велела принести чаю. Деда, ты спишь?

Дед вынырнул из сладкой полудремы, в которую его погрузила книга, посмотрел на внучку и улыбнулся так, что морщинки у глаз собрались в гармошку.

— Нет, дорогая. Садись.

Анушка забралась на край дедушкиной постели, подтянула колени к подбородку и устроилась у него в ногах, прямо возле грелки. Грелка была тёплая и приятно пахла травой. Дед отложил книгу, снял пенсне и положил их на тумбочку.

— А хочешь, я расскажу тебе сказку? — неожиданно спросила Анушка.

Дед приподнял одну седую бровь.

— Конечно, хочу. Только чур — правдивую.

— Правдивую-правдивую! — закивала Анушка. — Про одну девочку.

— Однажды одной маленькой, хорошей девочке, — торжественно начала Анушка, — злые подружки рассказали, что в заколоченном тоннеле на краю пятого яруса, если отодвинуть тяжёлый ящик, то можно найти дыру. А если пролезть в дыру и пойти по тоннелю, то можно найти много-много разноцветных камушков, из которых потом можно сделать бусики.

Дед перестал улыбаться. Он медленно сел в постели, отодвинул грелку ногой и, приподнявшись на локте, замер. Плед сполз с его плеча, ночной колпак сдвинулся ещё больше.

— И эта девочка, — продолжала Анушка, — она полезла в дыру. Ты не подумай, она была очень послушная и всегда слушалась дедушку! Но понимаешь, ей очень хотелось красивые бусики. А ещё она не хотела быть трусихой. Подружки ведь сказали: «Ты боишься? Ты трусиха?» А она совсем не трусиха!

Дед молчал. Только кисточка на его ночном колпаке чуть-чуть дёрнулась.

— Так вот, — Анушка заговорилась, её голос стал тише, — она полезла в дыру. Там было темно-темно. И пыльно-пыльно. Пыль такая густая, что она сразу чихнула — «апчхи!» — и эхо по всему тоннелю покатилось. Она испугалась, что кто-то услышит, и зажала рот ладошкой. Но идти назад уже было нельзя — засмеют, а подружки сказали, что камушки совсем рядом.

А в тоннеле было совсем не как в чертогах. В чертогах у нас светло, там люстра, и светильники всякие, и пахнет травами и хлебом. А в тоннеле пахло старой пылью и чем-то ещё... как будто там давно-давно никто не ходил. Паутина висела такая густая, что девочка зацепилась за неё носом и опять чуть не чихнула. Она шла на цыпочках, держась за стенку рукой, потому что боялась, что пол провалится под ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.